

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ОТДЕЛ ПО ПРОВЕДЕНИЮ ИССЛЕДОВАНИЙ

*Интернет: прецедентная практика
Европейского Суда по правам человека*

COUNCIL OF EUROPE

CONSEIL DE L'EUROPE

К сведению издательских компаний или иных организаций: для получения более подробной информации относительно воспроизведения содержимого данного отчета (или его перевода) для публикации в печатном виде или в Интернете, просьба обращаться по адресу: publishing@echr.coe.int.

© Совет Европы/Европейский Суд по правам человека, 2011

Данный отчет был подготовлен Отделом по проведению исследований и Европейский Суд не несет ответственности за его содержание. Отчет касается прецедентной практики (уже разрешенных Судом дел или дел, находящихся на его рассмотрении) по июнь 2011 года. Редакционные изменения были внесены в декабре 2011 года.

Данный отчет доступен по ссылке www.echr.coe.int (Прецедентная практика – Анализ прецедентной практики – Отчеты о проведении исследований).

ВВЕДЕНИЕ

По требованию Совета Европы Специализированная рабочая группа по информационному обществу и управлению использованием Интернета Отдел по проведению исследований Канцелярии Европейского Суда провел исследование прецедентной практики Суда по вопросам, касающимся Интернета.

Целью проведения исследования являлась подготовка отчета Специализированной рабочей группе для представления его на конференции, организованной Федеральным министерством по европейским и международным делам Австрии и Советом Европы по теме “Наш Интернет – наши права, наши свободы – о выработке стратегии Совета Европы по управлению использованием Интернета в 2012-2015 гг.” (г. Вена, 24-25 ноября 2011 г.).¹

¹ Ссылка на сайт конференции в Интернете: <www.coe.int/t/information/society/conf2011/>

I. УПРАВЛЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРНЕТА – ВОПРОСЫ ЮРИСДИКЦИИ

Отделу по проведению исследований было поручено изучить юриспруденцию Европейского Суда по вопросам юрисдикции в связанных с Интернетом делах. С самого начала необходимо отметить, что термин “юрисдикция” главным образом означает полномочия суда по рассмотрению и разрешению дела или по выдаче определенного распоряжения. Однако, этот термин также употребляется для обозначения территориальных границ, в пределах которых может осуществляться юрисдикция суда. В этом отношении полезным было бы учитывать, что юрисдикция является аспектом суверенитета Государства и по этой причине имеет географические границы.

Далее, важно понимать, какой тип “вопросов юрисдикции” возникает в делах, касающихся Интернета. Как было указано выше, юрисдикция традиционно основывается на территории. Однако, сделки, проводимые по Интернету, и публикации в нем, обычно пересекают много границ. Другими словами, в большинстве случаев в делах, касающихся Интернета, присутствует трансграничный элемент. Это вызывает, среди прочего, вопросы по поводу обстоятельств, при которых суд может осуществлять юрисдикцию в отношении ответчика, расположенного или проживающего в стране, отличной от той, в которой была подана жалоба о предполагаемом преступлении или гражданско-правовой правонарушении, совершенном по Интернету.

Этот вопрос, однако, должен в первую очередь разрешаться *национальными судами*, применяющими соответствующие принципы международного частного права по вопросу юрисдикции. Этот вопрос напрямую не касается Европейского Суда. Действительно, это было подтверждено в недавнем деле *Преминины против России* [*Premininu v. Russia*](жалоба N 44973/04, Постановление от 10 февраля 2011 г.). Заявителями выступали два российских гражданина, проживающие в России. В России они находились в заключении по подозрению во взломе онлайн-системы безопасности американского банка “Грин Поинт Бэнк” (Green Point Bank) в 2001 году, краже базы данных о клиентах и вымогательстве денег в обмен на обещание не публиковать базу данных в Интернете. Первый заявитель жаловался на избиения в период предварительного заключения и отсутствие эффективного пересмотра его ходатайства об освобождении из-под стражи. Дело рассматривалось российскими судами, которые установили, что они обладали компетенцией по рассмотрению дела. Компетенция российских судов по рассмотрению дела на оспаривалась в Европейском Суде. Таким образом, Европейский Суд просто рассмотрел поставленные перед ним вопросы, а именно, жалобы на содержание под стражей по статьям 3 и 5 Конвенции, без какого-либо дальнейшего упоминания о юрисдикции.

На этой стадии важно помнить о том, что Европейский Суд будет осуществлять свою “юрисдикцию” только если можно установить, что предполагаемое нарушение каким-либо образом относится на счет Высоких договаривающихся сторон Конвенции или можно установить, что предполагаемое нарушение имело место в пределах юрисдикции одного из этих Государств. Если эти условия не могут быть выполнены, жалоба будет отклонена по соображениям, связанным с географической (*ratione loci*) или личной (*ratione personae*) неподсудностью. Таким образом, возможно, что традиционная прецедентная практика Европейского Суда по основаниям неприемлемости, связанным с географической (*ratione loci*) или личной (*ratione personae*) неподсудностью может иметь значение в делах, касающихся Интернета в будущем. В этом отношении Решение Европейского Суда по делу *Бен эль Махи против Дании* [*Ben El Mahi v. Denmark*] (жалоба N 5853/06, ECHR 2006-XV) может иметь

особое значение для разрешения будущих дел, касающихся Интернета. В деле *Бен эль Махи [Ben El Mahi]* Европейский Суд установил отсутствие юрисдикционной связи между заявителями, один из которых был гражданином Марокко и два - Марокканскими ассоциациями, зарегистрированными в Марокко - и соответствующим Государством-членом, Данией. Нельзя было утверждать, что заявители подпадали под юрисдикцию Дании по причине совершения экстратерриториального действия, которое в данном случае состояло в опубликовании карикатур. Соответственно, жалоба была признана несовместимой с положениями Конвенции и, как таковая, неприемлемой согласно статье 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

Помимо этого, исследование показывает, что в настоящее время лишь малая часть дел, касающихся Интернета, затрагивает “*вопросы юрисдикции*”. В частности, можно упомянуть дело *Перрин против Соединенного Королевства [Perrin v. the United Kingdom]* (жалоба N 5446/03, ЕСПЧ 2005-XI). Дело касалось осуждения заявителя за публикацию на сайте в Интернете статьи непристойного характера. Заявителем выступал французский гражданин, проживавший в Соединенном Королевстве. Сайт в Интернете поддерживался и контролировался компанией, зарегистрированной в Соединенных Штатах Америки, которая действовала в соответствии со всеми местными законами. Заявитель являлся мажоритарным акционером компании. Европейский Суд согласился с мотивировкой Апелляционного суда, а именно, с тем, что, если бы суды Соединенного Королевства могли рассматривать связанные с публикациями дела, только если место публикации подпадало под юрисдикцию судов, это поощряло бы издателей к публикации материала в странах, в которых возможность преследования невелика. Европейский Суд далее установил, что, являясь жителем Соединенного Королевства, заявитель не мог утверждать, что законы Соединенного Королевства не были объективно доступны ему. Более того, он осуществлял профессиональную деятельность с помощью сайта в Интернете и, следовательно, можно было ожидать, что при осуществлении своей деятельности он действовал с высокой степенью осмотрительности и обращался за юридическими консультациями. Относительно соразмерности осуждения заявителя интересно было бы отметить, что факт того, что распространение соответствующих изображений могло быть законным в других Государствах, включая те, которые не являются Сторонами Конвенции, таких как Соединенные Штаты, не означал для Европейского Суда того, что, запретив такое распространение в пределах своей территории и подвергнув преследованию и осуждению заявителя, Государство-ответчик превысило имеющиеся у него пределы свободы усмотрения. Европейский Суд признал жалобу явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции.

II. ЗАЩИТА ИНФОРМАЦИИ И ВОПРОСЫ ХРАНЕНИЯ, ЗНАЧИМЫЕ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРНЕТА

1) Сфера действия статьи 8 и личная информация

В соответствии с Конвенцией Совета Европы 1981 года о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера, “*данные личного характера*” определяются как любая информация, относящаяся к определенному или поддающемуся идентификации лицу.

Защита и хранение данных личного характера, очевидно, попадает в сферу действия частной жизни, защищенной статьей 8 Конвенции. Статья 8 включает широкий круг вопросов – а именно, частную и семейную жизнь, дом и корреспонденцию:

Статья 8 устанавливает:

1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.
2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

Действительно, Европейский Суд указал, что защита данных личного характера имеет важнейшее значение для возможности лица осуществлять право на неприкосновенность частной и семейной жизни (дело *C. и Marper против Соединенного Королевства* [*S. and Marper v. the United Kingdom*][Большая Палата], жалобы NN 30562/04 и 30566/04, § 41, Постановление от 4 декабря 2008 г.).

Частная жизнь включает тайну передачи информации, охватывающую безопасность и секретность почтового, телефонного, электронного и иных форм передачи информации; и информационную тайну, которая предположительно, может включать тайну доступа к Интернету.

Концепция частной жизни, кроме того, включает элементы, касающиеся права лица на свое изображение (дело *Шачча против Италии* [*Sciacca v. Italy*], жалоба N 50774/99, § 29, ЕСПЧ 2005-I). Другими словами, фотографии или видеоклипы, которые содержат изображение лица, будут подпадать под сферу действия статьи 8. Это имеет значение при хранении фотографий на общественных или социальных сайтах в Интернете. Запись голоса лица для проведения дальнейшего анализа представляет собой вмешательство в осуществление им права на неприкосновенность частной жизни (см. дело *П.Г. и Дж.Х. против Соединенного Королевства* [*P.G. and J.H. v. the United Kingdom*], жалоба N 44787/98, §§ 59-60, ЕСПЧ 2001-IX).

Публикация материала, полученного в общественных местах способом или с помощью мер, выходящих за рамки тех, которые можно обычно предвидеть, может также распространить сферу действия статьи 8 § 1 на соответствующую записанную информацию или материал (см. дело *Пек против Соединенного Королевства* [*Peck v. the United Kingdom*], жалоба N 44647/98, §§ 60-63, ЕСПЧ 2003-I, касающееся раскрытия средствам массовой информации для целей трансляции видеосъемку заявителя, произведенную в общественном месте).

В деле *Узун против Германии* [*Uzun v. Germany*](жалоба N 35623/05, Постановление от 2 сентября 2010 г.) Европейский Суд установил, что наблюдение за заявителем посредством глобальной системы позиционирования и обработка и использование полученной таким образом информации являлось вмешательством в осуществление им своего права на неприкосновенность частной жизни, защищенного статьей 8 § 1.

2) Основные принципы хранения информации, установленные в прецедентной практике Европейского Суда

В то время как основной целью статьи 8 является, главным образом, защита лица от произвольного вмешательства государственных органов, неотъемлемой частью эффективного обеспечения неприкосновенности частной и семейной жизни могут быть *позитивные обязательства* (см. дело *Эйри против Ирландии* [*Airey v. Ireland*], Постановление от 9 октября 1979 г., § 32, Серия А, N 32).

Эти обязательства могут подразумевать принятие Государством мер, предназначенных для обеспечения неприкосновенности частной жизни, даже в области взаимоотношений частных лиц, например, пользователя Интернета и тех, кто предоставляет доступ к конкретному сайту в Интернете. Другими словами, Государство несет позитивное обязательство по установлению эффективного сдерживающего средства против серьезных посягательств на личные данные лица иногда посредством применения эффективных уголовно-правовых положений (см. дело *X и Y против Нидерландов* [*X and Y v. the Netherlands*], Постановление от 26 марта 1985 г., §§ 23-24 и 27, Серия А, N 91; *Огаст против Соединенного Королевства* [*August v. the United Kingdom*], N 36505/02, Решение от 21 января 2003 г.; и *М.С. против Болгарии* [*M.C. v. Bulgaria*], жалоба N 39272/98, § 150, ЕСПЧ 2003-XII). Самое недавнее

дело *К.Ю. против Финляндии [K.U. v. Finland]* (жалоба N 2872/02, § 43, Постановление от 2 декабря 2008 г.) подчеркивает это позитивное обязательство в контексте жалобы, связанной с Интернетом.

Относительно Интернета Государство, возможно, могло бы нести ответственность в за поведение третьих сторон, осуществляющих хранение информации для частных лиц.

Сбор, хранение и раскрытие информации личного характера Государством, например, в отношении полицейского реестра, является вмешательством в осуществление права лица на неприкосновенность частной жизни, гарантированное статьей 8 § 1 Конвенции (дело *Леандер против Швеции [Leander v. Sweden]*, Постановление от 26 марта 1987 г., § 48, Серия А, N 116). Последующее использование находящейся на хранении информации не имеет значения для такого вывода (дело *Аманн против Швейцарии [Amann v. Switzerland]* [Большая Палата], жалоба N 27798/95, § 69, ЕСПЧ 2000-II). Такое вмешательство нарушает статью 8, если оно не “предусмотрено законом” не преследует одну или более правомерных целей, указанных в параграфе 2 и, в дополнение, не является “необходимым в демократическом обществе” для достижения этих целей. В деле *Узун [Uzun]* (приведено выше, § 77), Европейский Суд пришел к выводу о том, что наблюдение за заявителем с помощью глобальной системы позиционирования, проводившееся по приказу Федерального генерального прокурора в целях проведения расследования нескольких эпизодов покушения на убийство, за которые взяла на себя ответственность террористическая организация, и для предотвращения дальнейших нападений с использованием взрывных устройств служило интересам национальной безопасности и общественного порядка, предотвращения преступлений и защиты прав жертв. В конце концов, вмешательство было соразмерно преследуемым правомерным целям и “необходимо в демократическом обществе” по смыслу статьи 8 § 2.

В случае хранения информации личного характера в интересах национальной безопасности должны существовать надлежащие и эффективные гарантии от злоупотреблений со стороны Государства. Когда такие гарантии существуют, Европейский Суд может и не установить нарушения статьи 8. Информация о пользовании средствами телекоммуникации широко используется властями Государства для целей осуществления наблюдения, поскольку для доступа к ней и ее хранения требуются малейшие затраты.²

Случаи, когда Государство хранит личные записи, касающиеся детства лица, несомненно подпадают под сферу действия статьи 8 (дело *Гаскин против Соединенного Королевства [Gaskin v. the United Kingdom]*, Постановление от 7 июля 1989 г., § 37, Серия А, N 160). Европейский Суд подчеркивает, что конфиденциальность общественных архивов имеет важное значение для получения объективной и достоверной информации, и что такая конфиденциальность может быть также необходима для защиты третьих лиц.

Аналогично, информация, хранящаяся в картотеке по результатам проведения тайного наблюдения, также подпадает под сферу действия статьи 8 (дело *Аманн [Amann]*, приведено выше). Соответствующий закон, разрешающий хранение такой информации, должен достаточно ясно указывать сферу действия и условия осуществления дискреционных полномочий властей.

Профессиональная или деловая активность не исключается из понятия “частной жизни” (см. дело *Нимиц против Германии [Niemietz v. Germany]*, Постановление от 16 декабря 1992 г., § 29, серия А, N 251-B; и *Халфорд против Соединенного Королевства*

² Хранение информации о пользовании средствами телекоммуникации и права человека: совместимость с Конвенцией всеобъемлющего хранения информации о дорожном движении, Патрик Брейер, Журнал европейского права, вып. 11, N 3, май 2005 г., стр. 365-375.

[*Halford v. the United Kingdom*], Постановление от 25 июня 1997 г., § 42, *Сборник постановлений и решений*, 1997-III). В случае, когда коммерческая или профессиональная деятельность осуществляется из частного дома лица, на нее распространяется понятие “жилища” (см., например, дело *Халфорд [Halford]*, приведено выше). Следовательно, телефонные звонки из помещений, где осуществляется коммерческая деятельность, предположительно, подпадают под понятия “частной жизни” и “корреспонденции” для целей статьи 8. Логично было бы заключить, что электронные сообщения, отправленные с работы, должны быть также защищены по статье 8, как и информация, полученная при наблюдении за использованием лицом Интернета (дело *Копланд против Соединенного Королевства [Copland v. the United Kingdom]*, жалоба N 62617/00, § 30, ЕСПЧ 2007-IV).

3) Информация, полученная в ходе наблюдения

Часто информация собирается по результатам наблюдения, осуществляемого Государством (см. дело *Ротару против Румынии [Rotaru v. Romania]* [Большая Палата], жалоба N 28341/95, ЕСПЧ 2000-V). Относительно систем секретного наблюдения, необходимо отметить, что они должны содержать установленные законом гарантии, которые применяются к надзору за деятельностью соответствующих служб (см. дело *Вебер и Саравия против Германии [Weber and Saravia v. Germany]* (Решение), жалоба N 54934/00, § 94, ЕСПЧ 2006-XI; и *Либерти и другие против Соединенного Королевства [Liberty and Others v. the United Kingdom]*, жалоба N 58234/00, § 62, Постановление от 1 июля 2008 г.). Это объясняется тем, что система секретного наблюдения, разработанная для защиты национальной безопасности, несет в себе риск подрыва или даже разрушения демократии со ссылкой на необходимость ее защиты (см. дело *Класс и другие против Германии [Klass and Others v. Germany]*, Постановление от 6 сентября 1978 г., §§ 49-50, Серия А, N 28). Таким образом, Европейский Суд должен убедиться в том, что существуют надлежащие и эффективные гарантии от злоупотреблений (см. дело *Узун [Uzun]*, приведено выше, § 63).

Вопросы тайного наблюдения приобретают еще большее значение в контексте Интернета, поскольку непрерывная эволюция Интернет-технологий включала быстрое развитие в области создания оборудования и методов наблюдения за передачей информации онлайн. Телекоммуникационные компании каждый год предоставляют большое количество данных по передаче информации правительственным службам в ответ на законные требования.³ Наблюдение национальных властей за использованием Интернета и телефонными звонками вполне может оказаться в центре внимания дальнейших разбирательств в Европейском Суде по правам человека в будущем.

4) Отбор и хранение отпечатков пальцев или клеточного материала и хранение профилей ДНК

В деле *МакВей, О’Нейл и Эванс против Соединенного Королевства [McVeigh, O’Neill and Evans v. the United Kingdom]* (жалобы NN 8022/77, 8025/77 и 8027, отчет Комиссии от 18 марта 1981 г., Решения и отчеты 25, стр. 15, § 224), Комиссия впервые рассматривала вопрос об отборе и хранении отпечатков пальцев как составной части ряда следственных мероприятий. Она согласилась с тем, что, по крайней мере, некоторые мероприятия являлись вмешательством в частную жизнь заявителей,

³ Хранение данных о передаче информации в развивающемся Интернете, Йен Броунли, *Международный журнал права и информационных технологий*, Оксфорд Университи пресс, 2010 г.

оставив открытым вопрос о том, будет ли хранение только отпечатков пальцев являться таким вмешательством.

В деле *Киннунен против Финляндии [Kinnunen v. Finland]* (жалоба N 24950/94, Решение Комиссии от 15 мая 1996 г.) пришла к выводу о том, что отпечатки пальцев и фотографии, находившиеся на хранении после ареста заявителя, не являлись вмешательством в его частную жизнь, поскольку они не содержали каких-либо субъективных оценок, которые требовали бы опровержения. Комиссия отметила, однако, что соответствующая информация была уничтожена через девять лет по требованию заявителя.

В деле *Ван дер Вельден против Нидерландов [Van der Velden v. the Netherlands]* (Решение) (жалоба N 29514/05, ЕСПЧ 2006-XV (извлечения)), Европейский Суд отграничил ситуацию от той, по которой Комиссия приняла решение в деле *Киннунен против Финляндии [Kinnunen v. Finland]*. Европейский Суд посчитал, что, учитывая, в частности, возможности использования клеточного материала в будущем, систематическое хранение этого материала выходило за рамки хранения материала с идентифицирующими характеристиками нейтрального характера, такого как отпечатки пальцев, и достаточной значительно вторгалось в частную сферу для того, чтобы квалифицироваться как вмешательство в осуществление права на неприкосновенность частной жизни, установленное статьей 8 Конвенции. Тем не менее, в этом деле Европейский Суд признал жалобу явно необоснованной, поскольку сбор и хранение профилей ДНК служили правомерным целям предотвращения преступлений и защиты прав и свобод других лиц, и что при указанных обстоятельствах можно было утверждать, что эти меры были “необходимы в демократическом обществе”.

Европейский Суд последовал подходу, установленному делом *Ван дер Вельден [Van der Velden]* в деле *С. и Марпер [S. and Marper]*, приведенном выше. Учитывая быстрые темпы прогресса в области генетики и информационных технологий, Европейский Суд не мог исключить возможность того, что в будущем интересы частной жизни, связанные с генетической информацией, могут подвергнуться отрицательному воздействию новым способом или таким образом, который сегодня нельзя точно представить. Следовательно, хранение как клеточных образцов, так и профилей ДНК обнаруживало вмешательство в осуществление заявителями права на неприкосновенность частной жизни. В деле *С. и Марпер [S. and Marper]*, приведенном выше, Европейский Суд согласился с тем, что правомерная заинтересованность в предотвращении преступлений могла бы получить приоритет над интересами субъектов данных. Однако, представляется, что Англия, Уэльс и Северная Ирландия были единственными государствами, входящими в состав Совета Европы, которые разрешали бессрочное хранение отпечатков пальцев или материалов ДНК любого лица любого возраста, подозреваемого в совершении любого подлежащего регистрации преступления. Кроме того, Европейский Суд посчитал, что хранение данных лиц, которые не были признаны виновными, может иметь особенно пагубные последствия в случае несовершеннолетних, таких как первый заявитель, принимая во внимание их особую ситуацию и важность их развития и интеграции в обществе. Установив нарушение статьи 8, Европейский Суд постановил, что хранение в ситуациях, которых касалось дело, являлось несоразмерным вмешательством в осуществление заявителями права на неприкосновенность их частной жизни и не могло рассматриваться как необходимое в демократическом обществе.

Дальнейшие дела по этому вопросу были коммуницированы Европейским Судом. В деле *Десеюник против Франции [Deceuninck v. France]* (жалоба N 47447/08, коммуницировано 26 апреля 2010 г.) заявитель жалуется на то, что приказ, требующий отбора образцов ДНК после его осуждения за уничтожение генетически

модифицированных посевов свеклы явилось несоразмерным вмешательством в осуществление им права на неприкосновенность частной жизни. Другие дела по этому же вопросу, коммуницированные 8 февраля 2011 г. и 8 марта 2011 г. соответственно: *Барро и другие против Франции [Barreau and Others v. France]* (жалоба N 24697/09) и *Кедим против Франции [Kedim v. France]* (жалоба N 19522/09).

5) *Хранение другой информации личного характера в общественных базах данных*

В деле *Б.Б. против Франции [B.B. v. France]* (жалоба N 5335/06, Постановление от 17 декабря 2009 г.) и *Гардел против Франции [Gardel v. France]* (жалоба N 16428/05, Постановление от 17 декабря 2009 г.) вопрос заключался в том, было ли включение в национальную базу данных лиц, совершивших преступления сексуального характера, нарушением статьи 8. По обстоятельствам дел хранение данных осуществлялось в течение 20-30 лет в зависимости от тяжести совершенного преступления. В конце концов, Европейский Суд пришел к выводу о том, что ни в одном из дел не было допущено нарушения статьи 8, принимая во внимание наличие процедуры предъявления требований об изъятии информации из базы данных. Европейский Суд учел очень серьезный характер совершенных преступлений и заинтересованность общества в существовании таких баз данных.

В деле *Далеа против Франции [Dalea v. France]* (Решение) (жалоба N 964/07, Постановление от 2 февраля 2010 г.) заявитель жаловался на то, что хранение информации о нем в информационной системе стран Шенгенского соглашения привело к тому, что ему не позволялось совершать поездки в личных и профессиональных целях в пределах Шенгенской зоны (ему отказывали в выдаче соответствующих виз). Его жалоба была признана неприемлемой; по статье 8 Европейский Суд отметил, среди прочего, что у заявителя была возможность оспорить соразмерность этих мер в различных национальных органах.

В деле *М.М. против Соединенного Королевства [M.M. v. the United Kingdom]* (жалоба N 24029/07, коммуницирована 6 октября 2010 г.) заявительница жалуется на хранение и раскрытие предупреждения полиции о похищении ребенка, которое не было изъято из ее полицейского досье. В деле *Дж.Р. против Соединенного Королевства [J.R. v. the United Kingdom]* (жалоба N 27910/09, коммуницирована 7 октября 2010 г.) заявитель жалуется на то, что, несмотря на его оправдание в ходе предыдущего уголовного разбирательства он продолжает нести наказание по причине хранения и раскрытия полицейских данных на его расширенной справке о наличии судимости.

Хранение информации в национальных и европейских базах данных – это вопрос, который, возможно будет чаще возникать в будущем перед Европейским судом по правам человека, учитывая распространение таких баз данных; на европейском уровне можно упомянуть ШИС (SIS) (Шенгенская информационная система), ТИС (CIS) (Таможенная информационная система) и ВИС (VIS) (Визовая информационная система). Это соединяется с растущим желанием делиться информацией и сотрудничать, а также с растущей обеспокоенностью проблемами безопасности (после масштабных террористических атак) и очевидными проблемами с иммиграцией. Согласно Европейскому надзорному органу по защите информации, “за последние десять лет также отмечается увеличение международной активности полиции и судов в борьбе с терроризмом и другими формами международной организованной преступности,

поддерживаемой колоссальным обменом информацией для целей осуществления правоохранительной деятельности".⁴

Самые недавние коммуницированные дела показывают, Европейский суд по правам человека сталкивается с новыми концепциями, такими как переносимость данных и право быть забытым,⁵ другими словами, право субъекта информации возражать против дальнейшей обработки его/ее личных данных, и обязанность оператора данных удалять информацию незамедлительно после того, как она перестает быть необходима для целей обработки.

б) Защита информации и хранение со специальной ссылкой в Интернете

В деле *Копланд [Copland]*, приведенном выше, вопрос о контроле за использованием телефона, электронной почты и Интернета обсуждался на основании статьи 8. В этом деле Европейский Суд счел не имеющим значения тот факт, что информация, имевшаяся у колледжа, в котором работала заявительница, не была раскрыта и не использовалась против нее в ходе дисциплинарного или иного разбирательства. Само хранение информации являлось вмешательством в частную жизнь. Европейский Суд не исключает возможность того, что контроль за использованием работником телефона, электронной почты или Интернета на рабочем месте может рассматриваться как *"необходимый в демократическом обществе"* в определенных ситуациях при преследовании правомерной цели. Однако, в настоящем деле в соответствующее время отсутствовало какое-либо национальное законодательство, регулирующее такой контроль.

В деле *К.Ю. против Финляндии [K.U. v. Finland]*, приведенном выше, Европейский Суд отметил, что, хотя свобода выражения мнения и конфиденциальность передачи информации имели первостепенное значение, и пользователи средств телекоммуникации и услуг Интернет должны быть уверены в том, что гарантируется защита их частной сферы и свободы выражения мнения, такие гарантии не могут быть абсолютными и в определенных ситуациях должны уступать другим правомерным требованиям, таким как предотвращение беспорядков или преступлений или защита прав и свобод других лиц.

III. ИНТЕРНЕТ И СВОБОДА ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЯ⁶

Свобода выражения мнения гарантируется статьей 10 Конвенции следующим образом:

"1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует Государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения

⁴ Мнение надзорного органа по защите информации, 14 января 2011 г.

http://www.edps.europa.eu/EDPSWEB/webdav/site/mySite/shared/Documents/Consultation/Opinions/2011/11-01-14_Personal_Data_Protection_EN.pdf.

⁵ См. выше.

⁶ Основано на информации, доступной на 21 марта 2011 г.

беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия”.

Публикации в Интернете подпадают под сферу действия статьи 10 и ее общих принципов, но особая форма этого средства передачи информации привела Страсбургский Суд к принятию определенных ограничений в отношении свободы выражения мнения в Интернете.

1) Общие принципы Европейского Суда, касающиеся свободы выражения мнения, применяются к публикациям в Интернете

Свобода выражения мнения, защищенная статьей 10 § 1, составляет необходимую основу демократического общества (см., например, дело *Хэндисайд против Соединенного Королевства [Handyside v. the United Kingdom]*, Постановление от 7 декабря 1976 г., Серия А, N 24). Ограничения этой свободы, предусмотренные статьей 10 § 2, должны толковаться узко. Вмешательство со стороны Государств в осуществление этой свободы возможно при условии, что оно является “необходимым в демократическом обществе”, то есть, согласно прецедентной практике Европейского Суда, оно должно отвечать “настоятельной общественной необходимости”, быть соразмерным преследуемой правомерной цели по смыслу второго параграфа статьи 10, и быть обосновано судебными решениями, содержащими соответствующую и достаточную мотивировку. Хотя у национальных властей есть определенная свобода усмотрения, она не является неограниченной и сопровождается европейским контролем, проводимым Судом (дело *Алексей Овчинников против России [Aleksy Ovchinnikov v. Russia]*, жалоба N 24061/04, § 51, Постановление от 16 декабря 2010 г.).

В Постановлении по делу *Редакция газеты “Праве дело” и Штекель против Украины [Editorial Board of Pravoye Delo and Shtekel v. Ukraine]* (жалоба N 33014/05, Постановление от 5 мая 2011 г.) Европейский Суд впервые признал, что статья 10 Конвенции должна толковаться как возлагающая на Государства позитивное обязательство по установлению надлежащей нормативно-правовой базы для обеспечения эффективной защиты свободы выражения мнения журналистами в Интернете. В этом деле на заявителей была возложена обязанность выплатить убытки за повторную публикацию текста, автор которого был неизвестен. Текст носил объективно диффамационный характер и был найден ими в Интернете (текст сопровождался замечанием с указанием источника и того, что газета не имела отношения к тексту). Они также должны были опубликовать опровержение и свои извинения, несмотря на то, что это не было предписано законом.

При рассмотрении дела по статье 10 Конвенции Европейский Суд установил, что, вмешательство, по поводу которого была подана жалоба, не было “предусмотрено законом”, как это требуется вторым параграфом этой статьи, поскольку в соответствующее время украинское законодательство не предоставляло защиту журналистам, повторно публикующим материал из Интернета. Кроме того, национальные суды отказались распространять на эту ситуацию действие положений, защищавших печатные средства массовой информации. Можно ожидать, что мотивировка, принятая Европейским Судом, будет иметь особое значение для защиты свободы выражения мнения журналистами в Интернете.

Европейский Суд уже имел возможность указать, что статья 10 § 2 оставляет мало возможностей для ограничения свободы выражения мнения при обсуждении политических или общественно значимых вопросов. В то время как частное лицо, принимающее участие в политической дискуссии по интересующим общество

вопросам не должно переходить за определенные рамки, в частности, уважения прав других лиц, ему или ей разрешается прибегнуть к определенной степени преувеличения или даже провокации, или, другими словами, делать определенные несдержанные заявления (дело *Виллем против Франции [Willem v. France]*, жалоба N 10883/05, § 33, Постановление от 16 июля 2009 г.).

В деле *Сюрек против Турции [Surek v. Turkey](N 1)*[Большая Палата] (жалоба N 26682/95, § 62, ЕСПЧ 1999-IV), Европейский Суд постановил в отношении политической дискуссии, что:

... пределы разрешенной критики являются более широкими в отношении правительства, нежели в отношении частного лица или даже политика. В демократической системе действия или бездействие правительства должно подвергаться пристальной проверке не только со стороны законодательной и судебной власти, но также и общественности. Более того, доминирующее положение, которое занимает правительство, делает для него необходимым демонстрацию сдержанности при обращении к уголовному разбирательству, особенно в ситуации, когда доступны другие средства реагирования на неоправданные нападки и критику со стороны своих противников. Тем не менее, у компетентных органов Государства определенно остаются полномочия по принятию в своем качестве гарантов общественного порядка, мер, даже уголовно-правового характера, нацеленных на надлежащее и соразмерное реагирование на такие замечания ... Наконец, в случае, когда в таких замечаниях содержатся призывы к насилию [*sic*] против лица или государственного служащего или части населения, у властей Государства имеются широкие пределы свободы усмотрения при принятии решения о необходимости вмешательства в свободу выражения мнения.

Действительно, разжигание розни не защищается статьей 10 Конвенции (дело *Гюндюз против Турции [Gunduz v. Turkey]*, жалоба N 35071/97, § 41, ЕСПЧ 2003-XI) и, согласно статье 17, высказывания, которые являются несовместимыми с провозглашенными и гарантированными Конвенцией ценностями не получают защиты по статье 10 (см. положение о позитивных обязательствах Государства).

В отношении прессы, значительная часть которой публикуется в Интернете, свобода передачи и получения информации и ее гарантии имеют особое значение. На прессе лежит обязанность передавать информацию и идеи по общественно значимым вопросам (см. дело *Обсервер и Гардиан против Соединенного Королевства [Observer and Guardian v. the United Kingdom]*, Постановление от 26 ноября 1991 г., Серия А, N 216). Эта свобода будет в большей степени защищена, если она вносит вклад в обсуждение вопросов, вызывающих правомерный общественный интерес (дело *Бладет Тромсо и Стенсаас против Норвегии [Bladet Tromso and Stensaas v. Norway]*[Большая Палата], жалоба N 21980/93, ЕСПЧ 1999-III). Любая мера, ограничивающая доступ общественности к информации, которую она вправе получить, таким образом, должна быть обоснована особо убедительными причинами (см. дело *Тимпул Инфо-Магазин и Ангхел против Молдовы [Timpul Info-Magazin and Anghel v. Moldova]*, жалоба N 42864/05, Постановление от 27 ноября 2007 г.). Национальные власти, таким образом, должны внимательно относиться к обязанности журналистов распространять информацию по общественно значимым вопросам, даже если они и прибегают к определенной степени преувеличения или провокации. Однако, защита журналистов осуществляется при условии того, что они действуют добросовестно и предоставляют достоверную и точную информацию в соответствии с представлением об ответственной журналистской деятельности (дело *Штоль против Швейцарии [Stoll v. Switzerland]* [Большая Палата], жалоба N 69698/01, § 104, ЕСПЧ 2007-V).

Европейский Суд применил эти общие принципы в делах, касающихся публикации онлайн: “В свете его доступности и его способности хранить и передавать огромное количество информации Интернет играет важную роль в расширении доступа общества к новостям и способствованию распространению информации в целом.

Поддержка Интернет-архивов является ключевым аспектом этой роли и поэтому Европейский Суд считает, что такие архивы попадают в сферу защиты, предоставляемой статьей 10” (см. дело *Таймс Ньюспейперс Лтд. против Соединенного Королевства [Times Newspapers Ltd. v. the United Kingdom] (NN 1 и 2)*, жалобы NN 3002/03 и 23676/03, § 27, Постановление от 10 марта 2009 г.).

Относительно *критики или сатиры* необходимо отметить, что свобода выражения мнения при условии соблюдения статьи 10 § 2 также распространяется на “*информацию*” или “*идеи*”, которые оскорбляют, шокируют или тревожат Государство или любую часть населения. Таковыми являются требования плюрализма, толерантности и широты взглядов, без которых нет “*демократического общества*” (дело *Перрин [Perrin]*, приведено выше). Свобода журналистов также включает возможность прибегнуть к определенной степени преувеличения или даже провокации. Однако, важно провести разграничение между критикой и оскорблением.

Статья 10, однако, не гарантирует неограниченную свободу выражения мнения, особенно в случаях, когда информация, публикуемая *в прессе*, скорее всего, окажет серьезное влияние на репутацию и права частных лиц (диффамация). Однако, национальные власти должны предоставить надлежащее обоснование своих решений (дело *Фатуллаев против Азербайджана [Fatullayev v. Azerbaijan]*, жалоба N 40984/07, § 100, Постановление от 22 апреля 2010 г.) для того, чтобы показать наличие “*настоятельной общественной необходимости*”.

Для обоснования решения, устанавливающего, что лицо совершило диффамацию в Интернете, национальные суды должны привести соответствующие и достаточные причины, наличие которых Европейский Суд должен будет проверить.

Относительно вынесенного наказания Европейский Суд придерживается мнения о том, что тюремное заключение за совершение преступлений, связанных со средствами массовой информации, только в исключительных случаях будет совместимо со свободой выражения мнения журналистами, особенно в случаях серьезных нарушений основных прав, например, в случаях разжигания розни и призывов к насилию. Кроме того, Совет Европы призвал Государства-члены, законодательство которых все еще предусматривает тюремное заключение за диффамацию, отменить эту санкцию без дальнейшего промедления.⁷

Страх подвергнуться тюремному заключению окажет “*сковывающее воздействие*” на осуществление свободы прессы (дело *Фатуллаев [Fatullayev]*, приведено выше, §§ 100-103).

С другой стороны, Европейский Суд указал в деле *Таймс Ньюспейперс Лтд.*, приведенном выше,

46. ...введение сроков давности в отношении исков о клевете предназначено для обеспечения того, чтобы жертвы диффамации действовали быстро в целях защиты своей репутации с тем, чтобы газеты, к которым предъявлен иск о клевете, могли организовать свою защиту без затруднений, вызванных истечением большого количества времени и утратой записей и снижением четкости воспоминаний, которые истечение такого периода времени с неизбежностью влечет. При определении длительности любого срока давности защита права на свободу выражения мнения прессы должна быть сопоставлена с правами частных лиц на защиту их репутации, и, при необходимости, наличием доступа к правосудию для того, чтобы это сделать. В принципе, прерогативой договаривающихся Государств при осуществлении их свободы усмотрения является установление надлежащего срока давности и любых случаев, в которых разрешаются исключения в отношении установленного срока давности...

⁷ Резолюция 1577 (2007) Парламентской Ассамблеи, *О декриминализации диффамации*, на которую несколько раз ссылался Страсбургский Суд.

Соответственно, иск о клевете, заявленные против газеты по истечении значительного промежутка времени может, в отсутствие исключительных обстоятельств, привести к несоразмерному вмешательству в свободу прессы.

В несвязанных с прессой делах тюремное заключение может в некоторых случаях быть оправданным в контексте Интернета: “*учитывая то, что заявитель [участвовавший в публикации непристойного сайта в Интернете компанией, мажоритарным акционером которой он являлся], выиграл финансово от помещения непристойных фотографий на свою главную страницу, национальные власти пришли к целесообразному решению о том, что наказание исключительно финансового характера не будет являться достаточным наказанием или сдерживающей мерой*” (дело *Перрин [Perrin]*, приведено выше).

Следовательно, “*эффективная сдерживающая мера от грубых нарушений, затрагивающих основные ценности и важнейшие аспекты частной жизни, требует установления эффективных уголовно-правовых положений*” (*К.Ю. против Финляндии [K.U. v. Finland]*, приведено выше, § 43 – дело несовершеннолетнего, который стал мишенью педофилов в Интернете).

Как только частная или личная информация публикуется в Интернете, такая как личность или имя лица, необходимость защиты ее конфиденциальности более не может выступать как преобладающее требование. Информация в значительной степени больше не является конфиденциальной на практике (дело *Эдисон Плон против Франции [Editions Plon v. France]*, жалоба N 58148/00, § 53, ЕСПЧ 2004-IV). Тем не менее, на первый план выходит защита частной жизни и репутации, и она должна быть гарантирована (дело *Алексей Овчинников [Aleksy Ovchinnikov]*, приведено выше, §§ 49-50).

Усиливающееся влияние Интернета побудило Европейский Суд установить специальное соотношение между защитой свободы выражения мнения и других прав или требований. Права *несовершеннолетних* или *молодых людей* должны защищаться во всех обстоятельствах ввиду их физической и душевной уязвимости и особенно потому, что они могут легко получить доступ к информации, свободно размещенной в Интернете или стать объектом сексуальных домогательств по Интернету.

- 2) Толкование Конвенции “в свете современных условий” должно принимать во внимание особый характер Интернета как “современного средства передачи информации”

Принципы

Влияние информации усиливается, когда ее можно найти в Интернете, или даже когда она указана на носителе в общественном месте со ссылкой на адрес сайта в Интернете. Каждый, включая несовершеннолетних, сможет получить доступ к соответствующему сайту.

Два этих элемента усиливают заинтересованность Государства в принятии мер по ограничению права на передачу информации. Однако, ограничение должно оставаться соразмерным, в соответствии с общими принципами толкования статьи 10 Конвенции. Ограничение будет еще более оправдано, если оно не препятствует выражению мнений с помощью других средств передачи информации (*Швейцарское движение разлитов против Швейцарии [Mouvement Raelien Suisse v. Switzerland]*, жалоба N 16354/06, §§ 54-58, Постановление от 13 января 2011 г., передано в Большую Палату).

Ограничения

Тем не менее, Конвенция не возлагает на средства массовой информации установленное законом обязательство давать предварительное предупреждение лицам об их намерении опубликовать касающиеся их доклады, чтобы они могли предпринять действия для предотвращения публикации посредством обращения за соответствующим запретом. Таким был вывод Европейского Суда в Постановлении по делу *Мосли против Соединенного Королевства [Mosley v. the United Kingdom]*, жалоба N 48009/08, Постановление от 10 мая 2011 г. Газета опубликовала на сайте в Интернете фотографии и видео, показывающие в деталях сексуальную жизнь публичного деятеля. Заявитель должен был иметь возможность предотвратить публикацию, несмотря на то, что вторжение в его частную жизнь было признано и он получил за это компенсацию. За два дня видео посмотрели более 1.4 миллиона раз и онлайн-версия этой статьи получила более 400 000 откликов.

3) Ограничения, которые могут быть необходимы в контексте Интернета (статья 10 § 2)

Принципы

Необходимо согласовать различные интересы, требующие защиты по смыслу статьи 10 § 2. Защита должна быть гарантирована в отношении репутации лица и конфиденциальной информации или информации личного характера, которая, по правомерному ожиданию любого лица, не может быть опубликована без его или ее согласия.

Европейский Суд вынес следующее постановление по делам *К.Ю. против Финляндии [K.U. v. Finland]* и *Пеппин [Perrin]*, оба приведены выше:

Несмотря на то, что свобода выражения мнения и конфиденциальность передачи информации являются важнейшими требованиями и пользователи средств телекоммуникации и услуг Интернет должны быть уверены, что их частная сфера и свобода выражения мнения гарантированы, такая гарантия не может быть абсолютной и должна время от времени уступать другим правомерным требованиям, таким как предотвращение беспорядков или преступлений или защиты прав и свобод других лиц (дело *К.Ю. против Финляндии [K.U. v. Finland]*).

Существует очевидная разница между тем, что является необходимым для сохранения конфиденциальности секретной информации, которая нарушается после самого первого опубликования информации, и тем, что является необходимым для защиты норм нравственности в случае, когда ущерб может быть причинен в любой момент, когда лицо сталкивается с материалом (дело *Пеппин против Соединенного Королевства [Perrin v. the United Kingdom]* (Решение)).

При защите норм нравственности, ввиду относительного характера концепций морали в европейской правовой сфере, Европейский Суд предоставляет Государствам определенные пределы свободы усмотрения (дело *Акдаш против Турции [Akdaş v. Turkey]*, жалоба N 41056/04, § 29, Постановление от 16 февраля 2010 г.).

Относительно защиты несовершеннолетних Европейский Суд разъяснил, что лицо юного возраста находится в уязвимом положении. Это влечет различные последствия, когда вопрос касается Интернета:

Объявление сексуального характера на сайте знакомств в Интернете, касающееся 12-летнего лица влечет физический и моральный риски, от которых необходима защита. Это может потребовать от Государств принятия мер, разработанных для обеспечения неприкосновенности частной жизни даже в сфере отношений частных лиц между собой.

Что касается опасности, представляемой детской порнографией в Интернете, Государство должно установить нормативно-правовую базу, позволяющую защищать

различные интересы. Поддержка преобладающего значения требования конфиденциальности неоправданна, если это препятствует проведению эффективного расследования в случае, когда необходимо было обязать поставщика услуг Интернета раскрыть личность человека, поместившего объявление сексуального характера в отношении несовершеннолетнего (дело *К.Ю. против Финляндии [K.U. v. Finland]*), приведено выше, §§ 41-50).

Тот факт, что лицо является несовершеннолетним, может ограничить свободу прессы. В случае совершения преступления несовершеннолетним, против которого нельзя возбудить уголовное дело⁸, право журналиста на передачу информации о серьезном преступлении, обычно предоставляемое журналистам для того, чтобы они могли информировать общественность об уголовных разбирательствах, должно уступить праву несовершеннолетнего на эффективную защиту его частной жизни (дело *Алексей Овчинников [Aleksey Ovchinnikov]*, приведено выше, § 51 – предоставление информации о личности несовершеннолетних, замешанных в инциденте сексуального характера).

Примеры

Осуждение в уголовном порядке за публикацию находящейся в свободном доступе страницы в Интернете (на которой отсутствовали какие-либо проверки по возрасту), которую могли беспрепятственно найти все пользователи, показывающей очень непристойные фотографии, и которую, скорее всего, могли найти молодые люди, было оправдано необходимостью защиты нравственности и прав других лиц (дело *Перрин [Perrin]*, приведено выше).

Неоднократное указание в прессе личности несовершеннолетнего, замешанного в насильственном инциденте, наносит вред его нравственному и психологическому развитию и его частной жизни. Это может оправдать вынесение решения против журналиста в гражданском порядке по результатам рассмотрения иска о диффамации, даже если личная информация уже была достоянием общественности, поскольку она находилась в Интернете (дело *Алексей Овчинников [Aleksey Ovchinnikov]*, приведено выше, § 52). Журналист был привлечен к ответственности в порядке гражданского судопроизводства по итогам рассмотрения иска о диффамации, заявленного к нему по поводу написанной им статьи о ребенке, подвергнутом сексуальному насилию со стороны других детей в летнем лагере, упоминавшей личность родителей правонарушителей.

Запрет на показ плаката на общественной автомагистрали, показывающего адрес сайта в Интернете объединения, члены которого обвинялись в сексуальных связях с несовершеннолетними и рекламирующего “гениократию”, предлагающего услуги, связанные с клонированием и объявляющего о рождении клонированных детей был признан соразмерным и необходимым для защиты здоровья и нравственности и предотвращения преступлений (дело *Швейцарское движение разлитов [Mouvement Raelien Suisse]*, приведено выше, § 57).

4) Публикации прессы в Интернете: усиление “обязанностей и ответственности” журналистов

Принципы

Европейский Суд указал в деле *Штоль [Stoll]*, приведенном выше, следующее:

⁸ В случае, когда несовершеннолетний не достиг законодательно установленного возраста привлечения к уголовной ответственности.

104. (...) В мире, в котором лицо сталкивается с огромным количеством информации, циркулирующей посредством традиционных и электронных средств информации и вовлекающей растущее на глазах количество игроков, контроль за соблюдением журналистской этики приобретает еще большее значение.

Обязанность прессы соблюдать принципы ответственной журналистской деятельности посредством проверки точности публикуемой информации (добросовестность, этика, надежная информация) является еще более строгой в отношении информации, затрагивающей прошедшие события, в отношении которых отсутствует какая-либо срочность – Интернет-архивов, являющихся основным источником образования и проведения исторического исследования – чем новостей о текущих событиях, которые, по определению, являются преходящими (дело *Таймс Ньюспейперс Лтд. [Times Newspapers Ltd]*, приведено выше).

Свобода прессы заканчивается там, где преследуется цель простого удовлетворения любопытства определенных читателей в ущерб праву на неприкосновенность частной и семейной жизни. Следовательно, информация, уже опубликованная в Интернете и таким образом, ставшая достоянием общественности, не дает прессе абсолютного права ее воспроизводить.

Пресса не должна передавать детали частной или семейной жизни лица, которые, несмотря на наличие их в Интернете, не входят в сферу общественных или политических дискуссий по общественно значимым вопросам.

Публичная фигура не должна подвергаться общественному осуждению в связи с делами, касающимися членов его семьи, даже если личные данные доступны в Интернете. Личность несовершеннолетнего, замешанного в насильственном инциденте, раскрытая в Интернете, не должна упоминаться далее прессой (дело *Алексей Овчинников [Aleksy Ovchinnikov]*, приведено выше, §§ 50-52).

В деле *Таймс Ньюспейперс Лтд. [Times Newspapers Ltd.]*, приведенном выше, § 47, Европейский Суд указывает, что:

(...) требование о публикации соответствующей оговорки к статье, содержащейся в Интернет-архиве, в случае, когда до сведения газеты доводится факт возбуждения разбирательства о клевете в отношении этой же статьи, опубликованной в печатном издании, является несоразмерным вмешательством в право на свободу выражения мнения.

Особая ответственность журналистов при осуществлении ими свободы выражения мнения также применяется, когда они публикуют информацию в Интернете от своего собственного имени, включая публикации за пределами сайта их работодателя, например, на публичном Интернет-форуме (дело *Фатуллаев [Fatullayev]*, приведено выше, § 94).

Примеры

В деле, касающемся сексуального насилия над ребенком, решение по поводу диффамации, принятое в порядке гражданского судопроизводства после публикации в местной газете информации о личности юных правонарушителей (несовершеннолетних), уже имеющейся в Интернете, было признано необходимым для защиты репутации: отсутствие вклада в общественную дискуссию и убытки в умеренном размере.

Даже в случае, когда затрагивается публичная фигура, у общества отсутствует правомерная заинтересованность в получении информации о семейных делах лица, не связанных с его официальной деятельностью (дело *Алексей Овчинников [Aleksy Ovchinnikov]*, приведено выше, §§ 51-57).

Решение национальных властей должно убедительно объяснять, каким образом истцы стали жертвами диффамации. В случае отсутствия такого объяснения решение является необоснованным, даже если некоторые замечания не имели под собой достаточного фактического обоснования (дело *Фатуллаев [Fatullayev]*, приведено выше, § 100).

5) Более высокий уровень защиты свободы выражения мнения по политическим, военным и полемическим вопросам в Интернете

Принципы

Интернет подвергается проверке и получает защиту, равноценные проверке и защите других средств передачи информации в отношении уважения свободного вклада в политическую дискуссию *избранным представителем народа*. Относительно санкций, требуется ограничение в использовании уголовного разбирательства, особенно в случаях, когда имеются другие средства реагирования на нападки и неоправданную критику со стороны оппонентов (см. дело *Фере против Бельгии [Feret v. Belgium]*, жалоба N 15615/07, § 80, Постановление от 16 июля 2009 г.). Предосудительный характер сообщения усугубляется его публикацией онлайн.

Степень допустимой политической критики

Выражение мнения по политическим и военным вопросам в рамках интересующей общество дискуссии согласно статье 10, требует высокого уровня защиты права на свободное выражение мнения в Интернете, как и выражение мнения с помощью других средств передачи информации. Таким образом, эта свобода дает возможность избранному представителю, находящемуся в политической оппозиции, использовать жесткие критические замечания о политических лидерах по общественно значимым вопросам (спор между объединением и муниципальным советом по поводу градостроительства) и любое письменное или устное преувеличение по этим вопросам может допускаться (см. дело *Рено против Франции [Renaud v. France]*, жалоба N 13290/07, § 38, Постановление от 25 февраля 2010 г. – осуждение в уголовном порядке разработчика страниц в Интернете за публичное оскорбление мэра в связи с замечаниями, опубликованными на сайте ассоциации, председателем которой был разработчик, было признано чрезмерным).

Пределы допустимой критики

Свобода выражения мнения, хотя она имеет особую ценность для демократии, не позволяет делать высказывания, пропагандирующие расовую дискриминацию и вражду, независимо от использованных средств. Лозунги, опубликованные на листовках политической партии, или на сайте в Интернете во время избирательной кампании подвергаются такой же оценке в свете статьи 10 § 2. Осуждение в уголовном порядке владельца сайта в Интернете, который также являлся политическим лидером, и который опубликовал ксенофобские замечания, отвечало настоятельной общественной необходимости защиты прав иммиграционного сообщества (см. дело *Фере [Feret]*, приведено выше).

Призыв избранным представителем к совершению акта дискриминации, повторенный на сайте муниципалитета, не является свободным обсуждением темы, представляющей интерес для общества. Дискриминационный, и, следовательно, предосудительный характер политического сообщения усугубился его опубликованием в Интернете (см. дело *Виллем [Willem]*, приведено выше, §§ 36-38).

б) Дело по данному вопросу, находящееся в настоящее время на рассмотрении Европейского суда по правам человека

Дело *Делфи АС против Эстонии [Delfi AS v, Estonia]* (жалоба N 64569/09, коммуницировано 11 февраля 2011 г.): против оператора новостного Интернет-портала было вынесено решение за диффамационный комментарий, помещенный читателем, использующим псевдоним, под статьей. Оговорка на сайте указывала, что такие замечания не отражали взгляды компании-заявителя, и что она не несла ответственности за помещенные комментарии, которые часто были анонимными. Комментарии публиковались автоматически без системной модерации. Существовала система удаления грубых комментариев и возможность удаления комментариев по требованию читателей или в случае жалобы о диффамации. Компания-заявитель жалуется на то, что на нее возложили ответственность за комментарии третьей стороны, содержащие личные угрозы и вызывающие формулировки, комментарии, которые она удалила с сайта в тот же самый день, когда соответствующее лицо этого потребовало (статья 10).

IV. ИНТЕРНЕТ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ⁹

А. Представление

Целью права интеллектуальной собственности является защита результатов интеллектуального труда, независимо от их формы. Конвенция от 14 июля 1967 г., создавшая Всемирную организацию интеллектуальной собственности, перечисляет права, охватываемые понятием интеллектуальной собственности: литературные и художественные произведения, исполнение, изобретения, научные открытия, промышленные образцы, торговые марки, знаки обслуживания, фирменные наименования и т.д. Защищаются не только идеи, но и фактическая форма, в которой они передаются.

Авторы таких работ имеют:

- во-первых, личное неимущественное право, означающее, что только автор вправе обнародовать произведение; третья сторона должна получить разрешение на ее использование или воспроизведение, и т.д.

- во-вторых, имущественное право, дающее ему или ей возможность получать выгоду от работы (путем исполнения, воспроизведения, и т.д.).

В сфере информационных технологий программное обеспечение является примером интеллектуальной собственности, как и любое произведение (статьи, изображения, звуки, и т.д.), созданное компьютером. Произведение, распространяемое в Интернете, также может, в сущности, подлежать защите (например, книга).

Прецедентная практика Европейского суда по правам человека в области интеллектуальной собственности и Интернета сравнительно скудна. Тем не менее, можно сделать некоторые замечания.

⁹ Новейшая информация до 17 января 2011 г.

В. Интеллектуальная собственность подпадает под сферу действия статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции

1) Права собственности

Относительно прав собственности, а именно, права собственности на физический носитель соответствующего права, Европейский Суд признал, что статья 1 Протокола N 1 к Конвенции применяется к:

Патентам

-Решение о неприемлемости по делу *Смит Кляйн и Френч Лабораториз Лтд. против Нидерландов* [*Smith Kline and French Laboratories Ltd. v. the Netherlands*] (жалоба N 12633/87, Решение от 4 октября 1990 г.): контроль использования собственности установил справедливое соотношение между интересами компании-заявителя и общими интересами, поэтому жалоба была признана явно необоснованной;

-Решение по делу *Ленцинг АГ против Соединенного Королевства* [*Lenzing AG v. the United Kingdom*](жалоба N 38817/97, Решение от 9 сентября 1998 г.).

Торговым маркам

В Постановлении Большой Палаты по делу *Анхойзер-Буш Инк. против Португалии* [*Anheuser-Busch Inc. v. Portugal*] ([Большая Палата] жалоба N 73049/01, Постановление от 11 января 2007 г., ЕСПЧ 2007-1), Европейский Суд указал, что статья 1 Протокола N 1 применяется к объектам интеллектуальной собственности как таковым (см. также краткое повторение его прецедентной практики по этому вопросу).

Заявлению о регистрации торговой марки

Владелец набора прав собственника, связанных с подачей заявления о регистрации торговой марки, которые были признаны по национальному праву, несмотря на то, что при определенных условиях они могли быть аннулированы, находился под защитой статьи 1 Протокола N 1 (защита собственности – дело *Анхойзер-Буш Инк. [Anheuser-Busch Inc.]*, приведено выше).

Лицензии на предоставление доступа в Интернет

Она является “имуществом”: дело *Мегадат.ком СРЛ против Молдовы* [*Megadat.com SRL v. Moldova*] (жалоба N 21151/04, § 63, Постановление от 8 апреля 2008 г.).

В этом деле, касающемся компании, которая была самым крупным поставщиком услуг Интернет в Молдове, компания-заявитель пожаловалась на признание недействительной ее телекоммуникационных лицензий на том основании, что она не проинформировала компетентный надзорный орган о смене своего адреса. Кроме того, она утверждала, что она была единственной из 91 компаний, которая была наказана так строго. В результате компании пришлось прекратить свою деятельность. Европейский Суд отметил, что рассмотрение дела молдавскими судами представлялось очень формальным. Не было предпринято попыток установить соотношение между общей проблемой, которой касалось дело, и санкцией, примененной к компании-заявителю. Таким образом, Европейский Суд установил, что разбирательство носило произвольный характер, и что к компании была применена чрезмерно суровая мера. В дополнение, ввиду дискриминационного обращения, которому подверглась компания, Европейский Суд пришел к заключению о том, что власти не руководствовались какими-либо последовательными соображениями проведения политики при признании

недействительными лицензий Мегадат.ком СРЛ. Следовательно, было допущено нарушение статьи 1 Протокола N 1.

Исключительному праву на использование и распоряжение зарегистрированными доменными именами в Интернете

Это является “*имуществом*” (дело *Паеффген Гмбх против Германии [Paeffgen GmbH v. Germany]* жалобы NN 25379/04, 21688/05, 21722/05 и 21770/05, Решение от 18 сентября 2007 г.).

В этом деле Европейский Суд рассматривал вопрос о регистрации доменных имен и потенциальном вмешательстве в осуществление *прав третьих лиц*. Судебный приказ, запрещающий использование и требующий аннулирования доменных имен, зарегистрированных на имя заявителя, но являющихся вмешательством в права третьих лиц, служили достижению правомерного общего интереса в поддержании функционирующей системы защиты торговых марок и/или имен. У национальных властей были широкие пределы свободы усмотрения. Тем не менее, их решения установили справедливое соотношение между защитой, которую должен получать владелец исключительного права на использование доменных имен, и требованиями общих интересов. Владелец такого “*имущества*” не должен был нести индивидуальное или чрезмерное бремя.

2) Неимущественные права

Относительно неимущественных прав необходимо отметить, что прецедентная практика только частично охватывает этот компонент права интеллектуальной собственности.

(a) **Статья 1 Протокола N 1**

Таким образом, Европейский Суд установил, что *право на публикацию перевода романа* подпадает под сферу действия статьи 1 Протокола N 1. Более того, лишение такого имущества может быть оправдано только со ссылкой на публичный интерес, при соблюдении установленных законом условия, и соразмерности преследуемой цели. Даже несмотря на то, что у Государства есть широкие пределы свободы усмотрения, это не может оправдать лишение имущества, которое было законно приобретено (нарушение) (дело *СК Эдитура Оризонтури СРЛ против Румынии [SC Editura Orizonturi SRL v. Romania]*, жалоба N 15872/03, Постановление от 13 мая 2008 г.).

В деле *А.Д. против Нидерландов [A.D. v. the Netherlands]* (жалоба N 21962/93, Решение от 11 января 1994 г.) тот факт, что государственные органы в деле о порочащем поведении перехватили *корреспонденцию, адресованную третьей стороне*, не выявил какой-либо видимости вмешательства в осуществление заявителем прав на интеллектуальную собственность по статье 1 Протокола N 1; таким образом, жалоба была явно необоснованной.

(b) **Другие положения**

На основании *статьи 10 Конвенции* издательская компания оспаривала запрет на распространение книги. Заявитель оспорил аргумент о том, что частичная цензура нарушит право автора по Кодексу Интеллектуальной собственности на целостность его произведения. Европейский Суд установил, что, ввиду промежутка времени, который прошел с момента, когда события, вызвавшие спор, имели место, сохранение запрета на незаконное разглашение фактов более не отвечало настоятельной общественной

необходимости и было, таким образом, несоразмерным (дело *Эдисон Плон* [*Editions Plon*], приведено выше).

Те, кто содействует распространению произведений, также несут “*обязанности и ответственность*”, особенно в отношении защиты морали, в зависимости от ситуации и использованных средств. Однако, признание культурных, исторических и религиозных особенностей Государств-членов Совета Европы не может иметь такие далеко идущие последствия, как предотвращение доступа общественности на определенном языке, в данном случае, турецком, к произведению, которое принадлежало, по мнению Европейского Суда, к “*европейскому литературному наследию*” (дело *Акдаш* [*Akdaş*], приведено выше).

Публикация на местном и национальном уровне изображений, сделанных третьей стороной, показывающих лицо, пытающееся совершить самоубийство, без его ведома или согласия, выявила отсутствие достаточных гарантий предотвращения раскрытия, несовместимого с гарантиями неприкосновенности частной жизни (см. дело *Пек* [*Peck*], приведено выше – нарушение статьей 8 и 13 Конвенции).

Государство должно установить нормативно-правовую базу для согласования различных требований, конкурирующих за получение защиты (дело *К.Ю. против Финляндии* [*K.U. v. Finland*], приведено выше).

C. Находящиеся на рассмотрении дела

Два находящихся на рассмотрении дела (дело *Йилдирим против Турции* [*Yildirim v. Turkey*], жалоба N 3111/10; и *Акдениз против Турции* [*Akdeniz v. Turkey*], жалоба N 20877/10), которые были недавно коммуницированы, касаются права на доступ к определенным сайтам в Интернете. Заявители жалуются по статье 10 Конвенции; вопрос об авторских правах затрагивается в этой связи.

В первом деле запрет сделал полностью невозможным доступ к собственному сайту заявителя. Во втором деле доступ к определенным сайтам в Интернете был запрещен по причине того, что соответствующие сайты распространяли музыкальные произведения без учета прав их авторов; заявитель жалуется на то, что оспариваемая мера сделала недоступным все содержание его сайтов, которые предоставляли доступ к другим страницам в Интернете.

D. Вывод

Из настоящего обзора прецедентной практики в области интеллектуальной собственности можно увидеть, что, невзирая на важность использования Интернета сегодня, число касающихся его споров невелико.

Что же касается, конкретно, тех дел, в которых возникают вопросы в отношении прав, иных, нежели права по статье 1 Протокола N 1, примечательно, что подход Европейского Суда не отличается от его обычного подхода; он рассматривает и согласовывает различные права и оценивает необходимость и пропорциональность вмешательства в осуществление определенного права.

V. ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ И ИНТЕРНЕТУ ПО СТАТЬЕ 10 КОНВЕНЦИИ

1) Применимость статьи 10

Из формулировки статьи 10 следует, что сфера ее действия включает право на получение и передачу информации. В дополнение к содержанию информации статья 10 также применяется к различным формам и средствам, с помощью которых она передается и получается, поскольку любое ограничение средств с неизбежностью ущемляет право получать и передавать информацию (см., например, дело *Аутроник АГ против Швейцарии* [*Autronic AG v. Switzerland*], Постановление от 22 мая 1990 г., § 47, Серия А, N 178; *Де Хаэс и Гийселс против Бельгии* [*De Haes and Gijssels v. Belgium*], Постановление от 24 февраля 1997 г., § 48, *Сборник постановлений и решений 1997-I*; *Ньюс Ферлагс ГмбХ & Ко.КГ против Австрии* [*News Verlags GmbH & Co.KG v. Austria*], жалоба N 31457/96, § 39, ЕСПЧ 2000-I). Определенные предприятия, преимущественно связанные со средствами передачи прямо упомянуты в последнем предложении его первого параграфа. В качестве нового и влиятельного информационного средства, Интернет, бесспорно, подпадает под сферу действия статьи 10. Действительно, ввиду его доступности и его способности хранить и передавать огромное количество информации, Европейский Суд признал важную роль Интернета в расширении доступа общества к новостям и упрощении распространения информации в целом (дело *Таймс Ньюспейперс Лтд.* [*Times Newspapers Ltd.*], приведено выше).

2) Обязательства Государства

Поскольку статья 10 прямо возлагает на Государство негативное обязательство не ущемлять свободу получения и передачи информации, Европейский Суд не был готов признать, что это положение гарантирует общее право на доступ к информации, включая административные данные и документы (см. дело *Луазо против Франции* [*Loiseau v. France*] (Решение), жалоба N 46809/99, ЕСПЧ 2003-XII (извлечения)). Он последовательно постановил, что свобода на получение информации запрещает Правительству ограничивать получение лицом информации, которую другие лица желают или захотят передать этому лицу, и что эта свобода не может трактоваться как возлагающая на Государство позитивное обязательство по распространению информации по своей собственной инициативе (дело *Роше против Соединенного Королевства* [*Roche v. the United Kingdom*] [Большая Палата], жалоба N 32555/96, § 172, ЕСПЧ 2005-X, с дополнительными ссылками). Первостепенной обязанностью Правительства, таким образом, является невмешательство в передачу информации между частными лицами, как юридическими, так и физическими.

Поскольку права по статье 10 предусмотрены “*независимо от границ*”, Государства могут только ограничивать информацию, получаемую из-за границы, в рамках обоснований, установленных статьей 10 § 2 (дел *Кокс против Турции* [*Cox v. Turkey*], жалоба N 2933/03, § 31, Постановление от 20 мая 2010 г.).

Жалобы на отказ в доступе к информации, которая является важной для личной ситуации заявителя, как правило, рассматривались по статье 8 Конвенции, которая гарантирует право на неприкосновенность частной и семейной жизни. В ряде дел Европейский Суд установил, что на властях лежало позитивное обязательство раскрыть заявителю соответствующую информацию. Например, это было установлено в деле, в котором заявители потребовали доступ к информации о рисках, которые представляло загрязнение окружающей среды для здоровья и благополучия человека (дело *Герра и*

другие против Италии [Guerra and Others v. Italy], Постановление от 19 февраля 1998 г., § 60, *Сборник постановлений и решений 1998-I*), или информации, которая позволила бы им оценить любой риск, следующий из их участия в ядерных испытаниях (дело *МакГинли и Иган против Соединенного Королевства [McGinley and Egan v. the United Kingdom]*, Постановление от 9 июня 1998 г., § 101, *Сборник постановлений и решений 1998-III*), или испытаниях, связанных с воздействием токсичных химикатов (дело *Роше [Roche]*, приведено выше). Суд установил, в частности, что возникло позитивное обязательство по предоставлению “эффективной и доступной процедуры”, позволяющей заявителям получить доступ ко “всей соответствующей и надлежащей информации” (дело *Роше [Roche]*, приведено выше, § 162). Наличие такого позитивного обязательства также было установлено в случае, когда заявители попросили доступ к архивам социальных служб, содержащим информацию об их детстве и личной истории (дело *Гаскин [Gaskin]*, приведено выше; и *М.Г. против Соединенного Королевства [M.G. v. the United Kingdom]*, жалоба N 39393/98, Постановление от 24 сентября 2002 г.), и в случае, когда заявителям не позволили получить копии их медицинских карт (дело *К.Х. и другие против Словакии [K.H. and Others v. Slovakia]*, жалоба N 32881/04, Постановление от 28 апреля 2009 г.).

В ответ на жалобу заявителей по статье 10 Конвенции в некоторых этих делах Европейский Суд установил, что это положение либо не подлежит применению, либо, что отсутствует вмешательство в осуществление заявителями их прав, защищенных статьей 10 (то есть, свобода на получение информации от тех, кто желает ее передать – см. дела *Роше [Roche]*; *Гаскин [Gaskin]*; *Герра и другие [Guerra and Others]*; и *Леандер [Leander]*, приведенные выше).

Несмотря на то, что существование позитивных обязательств по статье 8 Конвенции ясно установлено, эффективное осуществление прав по статье 10 может также потребовать принятия позитивных мер защиты, даже в области отношений между частными лицами. Государство может также нести ответственность в результате несоблюдения обязательства по принятию надлежащего национального законодательства (дело *Vgt Верейн геген Тьерфабрикен против Швейцарии [Vgt Verein gegen Tierfabriken v. Switzerland]*, жалоба N 24699/94, § 45, ЕСПЧ 2001-VI). В гражданско-правовых спорах может быть установлено нарушение Конвенции в случае, когда толкование национальным судом правового акта, как частного договора, так и публичного документа, законодательного положения или административной практики, представляется необоснованным, произвольным, дискриминационным или, в более широком смысле несовместимым с лежащими в основе Конвенции принципами (дело *Хуршид Мустафа и Тарзибахи против Швеции [Khurshid Mustafa and Tarzibachi v. Sweden]*, жалоба N 23883/06, § 33, Постановление от 16 декабря 2008 г.; *Пла и Пунсерно против Андорры [Pla and Puncernau v. Andorra]*, жалоба N 69498/01, § 59, ЕСПЧ 2004-VIII).

При определении того, существует ли позитивное обязательство, необходимо учитывать то, что должно быть установлено справедливое соотношение между интересами общества и интересами частного лица, поиск которого является характерной чертой Конвенции. Объем этого обязательства с неизбежностью будет меняться с учетом разнообразия ситуаций, трудностей, связанных с поддержанием порядка в современном обществе и выбора, который необходимо сделать в отношении приоритетов и ресурсов. Также такое обязательство не должно интерпретироваться как возлагающее неосуществимое или несоразмерное бремя на власти (дело *Озгур Гюндем против Турции [Ozgur Gundem v. Turkey]*, жалоба N 23144/93, § 43, ЕСПЧ 2000-III; *Эпплби и другие против Соединенного Королевства [Appleby and Others v. the United Kingdom]*, жалоба N 44306/98, § 39, ЕСПЧ 2003-VI).

3) Последние события

Европейский Суд недавно стал двигаться в направлении более широкого толкования понятия “свободы получения информации” и тем самым в направлении признания права на информацию (дело *Таршашаг а сабадшагьогокерт против Венгрии* [*Tarsasag a Szabadsagjogokert v. Hungary*], жалоба N 37374/05, § 35, Постановление от 14 апреля 2009 г.). В отличие от предшествующего подхода, Суд установил, что отказ в доступе к материалам, имеющимся у властей, являлся ущемлением прав заявителей по статье 10 (дело *Объединение “Матери Южной Чехии” против Республики Чехия* [*Sdruženi Jihočeske Matky v. the Czech Republic*], жалоба N 19101/03, Решение от 10 июля 2001 г.; *Таршашаг а сабадшагьогокерт* [*Tarsasag a Szabadsagjogokert*], приведено выше). Несмотря на то, что у общественности есть право на получение информации, представляющий собой общественный интерес, статья 10 не гарантирует абсолютное право на доступ ко всем документам (см., например, дело *Объединение “Матери Южной Чехии”* [*Sdruženi Jihočeske Matky*], приведено выше, в котором отказ в доступе, который требовался экологической ассоциации, к техническим деталям строительства атомной электростанции был признан Европейским Судом обоснованным). Тем не менее, как только национальный суд предоставил доступ к документам, власти не могут препятствовать исполнению судебного приказа. В контексте проведения исторического исследования Европейский Суд установил, что доступ к исходным документальным источникам в Государственных архивах является существенной составляющей осуществления установленных статьей 10 прав (дело *Кенеди против Венгрии* [*Kenedi v. Hungary*], жалоба N 31475/05, § 43, Постановление от 26 мая 2009 г.).

Европейский Суд далее подчеркнул важность права на получение информации также от частных лиц и организаций. В то время как политические и социальные новости могут быть наиболее важной информацией, защищенной статьей 10, свобода получения информации распространяется не только на сообщения об общественно значимых событиях, но также охватывает культурное самовыражение и также развлечения (дело *Хуршид Мустафа и Тарзибаху* [*Khurshid Mustafa and Tarzibachi*], приведено выше, в котором заявители – семья иммигрантов иракского происхождения – были выселены из квартиры после отказа убрать спутниковую тарелку, с помощью которой они смотрели телевизионные программы на арабском языке и фарси).

4) Ограничения

В соответствии с положениями параграфа 2 статьи 10, осуществление свободы получать и передавать информацию может быть подчинено таким формальным требованиям, условиям, ограничениям или санкциям, которые предусмотрены законом и являются необходимыми в демократическом обществе при преследовании правомерной цели. В контексте свободы прессы Европейский Суд многократно подчеркивал, что не только пресса несет задачу передачи информации и идей, представляющих интерес для общества, но и общество также имеет право получать их. Следовательно, особенно серьезные причины должны приводиться для обоснования любых мер, ограничивающих доступ общественности к такой информации (см., среди многих авторитетных источников, дело *Таймс Ньюспейперс Лтд.* [*Times Newspapers Ltd.*], приведено выше, §§ 40-41). Объединения гражданского общества, чьи функции схожи с ролью прессы, в равной степени получают надежную защиту статьи 10. Власти не могут создавать препятствия и барьеры к сбору информации по общественно значимым вопросам, особенно если они обладают монополией на информацию (см. дело *Таршашаг а сабадшагьогокерт* [*Tarsasag a Szabadsagjogokert*], приведено выше, в

котором ассоциации-заявителю было отказано в доступе к деталям жалобы депутата в Конституционный суд, которая содержала общественно значимую информацию).

В случае, когда оспариваемое ограничение исходит не от Государства напрямую, а от негосударственных структур, Европейский Суд сосредоточивается на анализе позитивного обязательства по защите прав лица, установленных статьей 10, от посягательств других лиц. Он принимает во внимание ряд факторов при проведении оценки, включая характер затронутого права и его важность для заявителя; значимость конкурирующих интересов; любые общественно значимые элементы; доступность альтернативных средств получения или передачи информации, и характер и объем ограничений (см. дело *Хуршид Мустафа и Тарзибаху [Khurshid Mustafa and Tarzibachi]*, приведено выше, §§ 44-50; *Эпплби и другие [Appleby and Others]*, приведено выше, §§ 41-49).

5) Доступ в Интернет

У Европейского Суда еще не было возможности вынести решение по жалобе на отказ в доступе к Интернету. Тем не менее, такие жалобы уже были поданы на основании статьи 10. В сентябре 2010 г. Европейский Суд коммуницировал Правительству Государства-ответчика жалобу, поданную литовским заключенным, которому было отказано в доступе в Интернет для целей поступления в университет.¹⁰ В том же году было подано несколько жалоб против Турции, где власти заблокировали доступ к определенным сайтам в Интернете для целей борьбы с преступностью и защиты прав авторов. В одном случае сайт заявителя был заблокирован по причине технической сложности его отграничения от сайта, в отношении которого власти издали приказ о запрете. В других делах заявитель был пользователем сайтов, посвященных музыке и общению в социальных сетях. Эти дела были коммуницированы Правительству Государства-ответчика в феврале 2011 г.¹¹

6) Вывод

Приведенный выше обзор показывает, что право на информацию получает все возрастающее признание Европейского Суда. Влияние развития Интернета на это право, тем не менее, еще не было рассмотрено. Вполне возможно, что Европейский Суд столкнется с растущим числом жалоб в этой области.

Вмешательство Государства в форме блокирования, фильтрации или иного ограничения доступа к Интернету будет строго проверяться Европейским Судом в соответствии с его установленной прецедентной практикой. Государства также несут позитивное обязательство принять соответствующее законодательство и обеспечить наличие доступных и эффективных процедур осуществления права на получение и передачу информации. В этой связи могут возникать вопросы в случае, когда Государство предоставляет публичные услуги исключительно по Интернету, который не так широко доступен, или услуги являются финансово обременительными.¹²

¹⁰ См. дело *Янковскис против Литвы [Jankovskis v. Lithuania]*, жалоба N 21575/08, факты дела и вопросы к сторонам.

¹¹ См. Дело *Йилдирим и Акдениз против Турции [Yildirim and Akdeniz v. Turkey]*, жалобы NN 3111/10 и 20877/10.

¹² Например, уведомление о судебных решениях только при условии платной подписки на бюллетень по Интернету может иметь последствия для соблюдения срока подачи жалобы и таким образом, для права на доступ к правосудию по статье 6 Конвенции. См. дело *Фаркас и другие против Румынии [Farcas and Others v. Romania]*, жалоба N 30502/05, факты дела и жалобы

VI. ОБЯЗАТЕЛЬСТВО ГОСУДАРСТВ ПО БОРЬБЕ С НАСИЛИЕМ И ДРУГОЙ ПРЕСТУПНОЙ ИЛИ НЕЗАКОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В ИНТЕРНЕТЕ¹³

A. Интернет: позитивные обязательства Государств и права лиц на защиту

1) Защита лиц, находящихся в уязвимом положении, включая детей и несовершеннолетних

(a) Использование Интернета педофилами

Двенадцатилетний мальчик стал жертвой неизвестного лица, поместившего объявление сексуального характера о нем на сайте знакомств в Интернете. Его отец не мог возбудить разбирательство против какого-либо лица, поскольку законодательство Финляндии в соответствующее время не позволяло полиции или судам потребовать от поставщиков услуг Интернет раскрытия личности человека, поместившего объявление. Европейский Суд, повторив принцип, в соответствии с которым определенное поведение требует применения уголовных санкций, постановил, что Государство не выполнило позитивные обязательства по защите прав ребенка на неприкосновенность его частной жизни, поскольку защита ребенка от физического и морального вреда не получила приоритета над требованием о конфиденциальности. Концепция физической и моральной неприкосновенности защищается по статье 8 как аспект частной жизни. В этом контексте анонимность и конфиденциальность в Интернете не должна приводить Государство к отказу от защиты прав потенциальных жертв, особенно в случае, касающемся находящихся в уязвимом положении лиц. Защита конфиденциальности не может быть абсолютной и должна уступать другим правомерным требованиям, таким как предотвращение беспорядков или преступлений или защита прав и свобод других лиц. Таким образом, национальные власти должны обеспечить проведение надлежащего и эффективного расследования и разбирательства в отношении таких преступлений, даже если это влечет вмешательство в отношения частных лиц между собой.

Европейский Суд пришел к следующему заключению в Постановлении по делу *К.Ю. против Финляндии [K.U. v. Finland]*, приведенном выше:

(...) Не предвзято рассуждая о том, может ли поведение лица, поместившего объявление противоправного характера в Интернете получить защиту по статьям 8 и 10, учитывая его предвзятый характер, тем не менее, задачей законодателя является установление надлежащей нормативно-правовой базы для согласования различных требований, конкурирующих за получение защиты в этом контексте. Тем не менее, такая нормативно-правовая база отсутствовала в соответствующее время, в результате чего позитивные обязательства Финляндии в отношении заявителя не могли быть выполнены.

Это Постановление применяет к вопросу о кибер-преступности принципы, установленные в деле *М.С. против Болгарии [M.C. v. Bulgaria]*, приведенном выше, относительно позитивных обязательств Государств-членов по защите лиц, находящихся в уязвимом положении, которые являются неотъемлемой частью статей 3 и 8 Конвенции.

(b) Порнография, находящаяся в свободном доступе в Интернете

¹³ Новейшая информация до 22 марта 2011 г.

Как указал Европейский Суд в деле *Пеппин [Perrin]*, приведенном выше, осуждение в уголовном порядке за порнографические и непристойных фотографии в Интернете, доступные на бесплатной основе на главной странице (без проверок возраста) может быть частью обязательства Государства по защите нравственности и прав других лиц.

Государство не выполняет свои обязательства, если оно не защищает или не пытается защитить молодых людей, лиц, находящихся в уязвимом положении, в своем законодательстве. Согласно мнению Европейского Суда,

Тот факт, что могут быть доступны другие меры для защиты от вреда не делает несоразмерным обращение Правительства к уголовному преследованию, особенно в ситуации, когда не доказана большая эффективность других мер.

2) Публикация онлайн фотографий, изображающих сексуальные практики

В деле *Пэй против Соединенного Королевства [Pay v. the United Kingdom]* (жалоба N 32792/05, Решение от 16 ноября 2008 г.) заявителем выступал инспектор по надзору за условно осужденными за совершение преступлений сексуального характера, которые только освободились из тюрьмы. Он был уволен работодателем после того, как последний обнаружил, что заявитель был председателем объединения, содействующего распространению сексуальных практик; ее сайт в Интернете рекламировал садомазохистское оборудование и включал ссылку на другой сайт, содержащий фотографии заявителя, закрытого капюшоном, принимавшего участие в практиках. Европейский Суд установил, что это вмешательство было оправдано, поскольку сотрудник был связан со своим работодателем долгом верности, сдержанности и усмотрения, и ввиду деликатного характера работы заявителя с преступниками, совершившими преступления сексуального характера. Европейский Суд посчитал, что национальные власти не вышли за пределы свободы усмотрения, имевшейся у них при принятии осмотрительного подхода в отношении степени, в которой общественная осведомленность о сексуальной жизни заявителя могла нанести ущерб его способности эффективно выполнять свои обязанности. Важным было поддержание им уважения преступников, находящихся под его надзором и также доверие общества в целом и жертв преступлений сексуального характера в частности.

3) Защита иммигрантов и иностранцев – и соответственно, общественного порядка и социального согласия

(а) Расистские или ксенофобские высказывания, дискриминация и разжигание расовой розни с использованием Интернета

В Государстве может существовать настоятельная общественная необходимость защитить общественный порядок и права других лиц, например, иммигрантского сообщества, от неприятных и унижительных замечаний и отношения. Такое поведение с большой вероятностью может вызвать социальную напряженность и подорвать веру в демократические институты. Таким образом, принятие Государством мер в таких ситуациях для снижения пагубного воздействия расистских и ксенофобских высказываний является оправданным.

В деле *Фере [Feret]*, процитированном выше, Европейский Суд посчитал, что использованные формулировки очевидным образом побуждали к дискриминации и разжигали расовую рознь, указав следующее:

... в некоторых демократических странах может считаться необходимым применение санкции или даже предотвращение любых форм выражения мнения, которые распространяют, поощряют, поддерживают или оправдывают ненависть, основанную на нетерпимости (включая религиозную нетерпимость), при условии, что любые установленные 'формальности', 'условия', 'ограничения' либо 'санкции' соразмерны преследуемой правомерной цели ...

Правонарушения против личности, совершенные путем оскорбления, высмеивания или клеветы, допущенных в отношении определенной части населения или определенных групп, или поощрение дискриминации, являются достаточным основанием для принятия властями мер по обеспечению подавления расистских высказываний в отношении свободы выражения мнения, которая используется безответственно для того, чтобы унижить достоинство или даже поставить под угрозу безопасность таких групп населения. Политические высказывания, которые провоцируют вражду на почве религиозных, этнических или культурных предрассудков, представляют опасность для социального мира и политической стабильности в демократических Государствах.

... для политиков важно при выражении своего мнения на публике избегать комментариев, которые могут поощрять нетерпимость (см. дело *Эрбакан против Турции [Erbakan v. Turkey]*, жалоба N 59405/00, Постановление от 6 июля 2006 г., § 64).

... политики должны быть особенно внимательны к защите демократии и ее принципов, поскольку их конечной целью фактически является приход к власти.

... поощрение исключения иностранцев является серьезным нарушением прав личности и должно, следовательно, гарантировать принятие мер предосторожности всеми, включая политиков.

Европейский Суд подтвердил, что для Государств важной являлась борьба с расовой дискриминацией во всех формах и проявлениях. Европейский Суд сослался на тексты различных резолюций Комитета Министров Совета Европы относительно работы ЕКРП по борьбе с расизмом, ксенофобией, антисемитизмом и нетерпимостью. Он добавил:

Европейский Суд придает особое значение использованному средству и контексту, в котором были выражены оспариваемые замечания в настоящем деле, и, следовательно, их потенциальное воздействие на общественный порядок и социальное согласие.

Наконец, Суд подчеркнул принцип, в соответствии с которым "[властям] необходимо показывать сдержанность в использовании уголовного разбирательства, особенно в случаях, когда доступны другие средства реагирования на неоправданные нападки и критику со стороны [их] оппонентов".

(b) Подстрекательство к бойкоту и дискриминации в отношении изделия иностранного производства в Интернете

На мэре лежат обязанности и ответственность. Он должен сохранять определенный нейтралитет и быть сдержанным в своих действиях, когда они в целом касаются местных органов власти, которые он представляет. Он не должен призывать производить расходы на дискриминационной основе (дело *Виллем [Willem]*, приведено выше, §§ 35-41).

4) Интернет и обязательства Государств по вопросам коррупции

(a) Важность прозрачного характера местной политики

В деле *Выпич против Польши* [*Wyrych v. Poland*] (жалоба N 2428/05, Решение от 25 октября 2005 г.) член муниципального совета был обязан раскрыть подробные данные о своем финансовом положении и документы о собственности. Декларация должна была быть впоследствии опубликована в Бюллетене, доступном населению по Интернету, вместе с декларациями других членов совета, и при непредоставлении такой информации он терял свой месячный заработок. Заявитель пожаловался на то, что публикация может сделать его и его семью мишенью для преступников.

Хотя мера являлась вмешательством в частную и семейную жизнь заявителя, Европейский Суд установил, что она была необходимой в демократическом обществе для “предотвращения преступлений”, в данном случае коррупции в политике. В этом контексте использование Интернета для публикации такой информации служило гарантией того, что выполнение обязательства по раскрытию сведений подлежало общественной проверке, поскольку, по мнению Европейского Суда:

У общества есть правомерный интерес в установлении того, что местная политика является прозрачной и доступ к декларациям в Интернете делает доступ к такой информации эффективным и простым. Без такого доступа обязательство не имело бы практического значения или настоящего влияния на степень информированности населения о политическом процессе.

(b) Отмывание денег и диффамация

Газета *Таймс* опубликовала две статьи, в которых утверждалось об установлении огромной системы отмывания денег Г.Л., который был представлен как глава русской мафии, и его имя упоминалось полностью в первой статье. Две статьи, о которых идет речь, были помещены на сайте Таймс в Интернете в день их опубликования в печатном виде в газете. В то время как проходило разбирательство по первому иску о клевете, статьи оставались на сайте Таймс, где они были доступны пользователям Интернета в составе архивов прошлых выпусков. Затем был заявлен второй иск о клевете в отношении продолжающейся публикации статей в Интернете. После этого ответчики добавили к статьям, доступным в режиме онлайн, предисловие о том, что в отношении каждой статьи проводилось разбирательство о клевете, и что они не должны воспроизводиться и на них нельзя ссылаться без консультации с Юридическим отделом газеты Таймс.

В Постановлении по делу *Таймс Ньюспейперс Лтд.* [*Times Newspapers Ltd.*], приведенным выше, Европейский Суд придал важность тому, что, хотя разбирательства о клевете в отношении двух статей были возбуждены в декабре 1999 года, заявитель не добавлял никакой оговорки к статьям в его Интернет-архиве до декабря 2000 г. Европейский Суд отметил, что соответствующий Интернет-архив поддерживался самим заявителем, и что национальный суд не предложил удалить потенциально диффамационные статьи из архивов. При таких обстоятельствах Европейский Суд пришел к выводу о том, что требование о публикации надлежащей оговорки к статье, содержащейся в Интернет-архиве, не являлось несоразмерным вмешательством в осуществление права на свободу выражения мнения.

Европейский Суд указал, что введение сроков давности по искам о клевете было нацелено на обеспечение возможности ответчиков, обвиняемых в клевете, эффективно организовать свою защиту от заявленных требований. Договаривающиеся Государства должны были сами установить соответствующий срок исковой давности.

В то время как пострадавшему заявителю должна быть предоставлена реальная возможность отстоять свое право на репутацию, разбирательство о клевете, возбужденное против газеты после значительного промежутка времени вполне может,

в отсутствие исключительных обстоятельств, повлечь несоразмерное вмешательство в свободу прессы по статье 10 Конвенции.

5) Защита передачи информации по Интернету и обязательства Государства

(а) Обязательство Государства по принятию достаточно доступного и ясного законодательства

Было установлено, что контроль работодателем использования работником соединений Интернета в личных целях, а также сбор и хранение информации (посещенные сайты, даты и длительность посещения) без ведома работника подпадает под сферу действия статьи 8. Более того, в связи с тем, что работодатель в этом деле был публичным органом, вопрос касался негативного обязательства Государства не вмешиваться в частную жизнь заявительницы. Относительно законности этого вмешательства Европейский Суд подтвердил в деле *Копланд [Copland]*, (цитированном выше, §§ 45-46 и 48), что:

... прецедентная практика ясно устанавливает, что термин ‘основано на законе’ предполагает – и это следует из задач и целей статьи 8 – что национальное право должно предусматривать меры правовой защиты от произвольного вмешательства органов власти в осуществление гарантированных статьей 8 § 1 прав. Это еще более справедливо в такой области как контроль, которого касается дело, ввиду отсутствия общественной проверки и риска злоупотребления полномочиями ...

Эта формулировка не только требует соблюдения национального закона, но также касается качества этого закона, которое должно соответствовать принципу господства права ... Для того, чтобы удовлетворять требованиям предсказуемости, закон должен быть достаточно четко сформулирован, и надлежащим образом указывать частным лицам на обстоятельства, при которых и условия, на которых власти имеют право прибегать к таким мерам ...

... поскольку национальный закон, регулирующий контроль в соответствующее время отсутствовал, вмешательство в настоящем деле не было ‘основано на законе’, как того требует статья 8 § 2 Конвенции. Европейский Суд не исключает, что контроль использования работником телефона, электронной почты или Интернета на рабочем месте может быть признан ‘необходимым в демократическом обществе’ в определенных ситуациях при преследовании правомерной цели. Тем не менее, учитывая свой вышеуказанный вывод, нет необходимости принимать решение по этому вопросу в настоящем деле.

Относительно достаточно доступного характера закона Европейский Суд посчитал в деле *Перрин [Perrin]*, приведенном выше, что, если лицо осуществляет управление сайтом в Интернете в качестве профессиональной деятельности, можно разумно ожидать, что такое лицо будет действовать с высокой степенью осмотрительности при ведении своей деятельности и будет обращаться за юридическими консультациями.

(b) Объективные трудности, которые не всегда можно разрешить при помощи технических ресурсов

В деле *Муцио против Италии [Muscio v. Italy]* (жалоба N 31358/03, Решение от 13 ноября 2007 г.) председатель ассоциации родителей-католиков, которые получали электронные сообщения порнографического характера, оспорил отказ в возбуждении дела по его жалобе против неустановленных лиц. Европейский Суд указал, что получение нежелательной информации может быть рассмотрено как вмешательство в частную жизнь. Тем не менее, пользователи электронной почты при выходе в Интернет более не могли рассчитывать на эффективную защиту их частной жизни и

подвергались риску получения нежелательных сообщений, которое они могли контролировать посредством использования компьютерных “фильтров”. Ряд стран и операторов сетей столкнулся с объективными трудностями борьбы с феноменом спама и отслеживания отправителей таких сообщений и технические ресурсы не всегда могли в этом помочь. При таких обстоятельствах Европейский Суд не смог прийти к выводу о том, что Государство для выполнения своих позитивных обязательств, которые оно может нести по статье 8, должно предпринять дополнительные усилия. По мнению Суда:

... Операторы сетей действуют в рамках соглашений с властями Государства и под их контролем. Соответственно, если заявитель был убежден в том, что халатность могла быть отнесена на счет Государства или оператора, на услуги которого он подписался, он мог бы предъявить иск о возмещении убытков в порядке гражданского судопроизводства по поводу отсутствия контроля и/или эффективной защиты от рассылки нежелательных электронных сообщений.

В. Общие принципы, касающиеся позитивных обязательств Государств по предотвращению преступной и неправомерной деятельности

1) Позитивное обязательство по защите лиц от рабства и торговли людьми по статье 4

В Постановлении по делу *Ранцев против Кипра и России [Rantsev v. Cyprus and Russia]*, жалоба N 25965/04, §§ 289 и 307, от 7 января 2010 г. Европейский Суд установил, что в дополнение к обязательству по проведению на национальном уровне расследования событий, произошедших на их собственной территории, Государства-члены также обязаны в делах о международной торговле людьми эффективно сотрудничать с соответствующими властями других Государств, которых касается расследование событий, произошедших за пределами их территории. Иначе торговцы людьми будут действовать совершенно безнаказанно. Необходимость проведения полного и эффективного расследования, охватывающего все аспекты заявлений о торговле людьми, с их набора до эксплуатации, является бесспорной. Государства должны учитывать всю сеть торговли людьми, включая страны происхождения и транзита, а также страну назначения.

2) Позитивные обязательства по защите лиц, включая детей, от причинения физического вреда и сексуального насилия

Позитивные обязательства по обеспечению наказания за изнасилование и другое насильственное поведение и сексуальное насилие по статьям 3 и 8

Позитивные обязательства Государства могут включать принятие мер даже в сфере взаимоотношений частных лиц. В деле *М.С. против Болгарии [M.C. v. Bulgaria]*, приведенном выше, Европейский Суд установил, что:

... на Государствах лежит позитивное обязательство, являющееся неотъемлемой частью статей 3 и 8 Конвенции, по принятию уголовно-правовых положений, устанавливающих эффективное наказание за изнасилование и применять их на практике посредством проведения эффективного расследования и уголовного преследования.

Эффективное устрашение в отношении таких тяжких преступлений как изнасилование, касающихся основополагающих ценностей и важнейших аспектов

частной жизни, требует наличия эффективных уголовно-правовых положений. Дети и другие находящиеся в уязвимом положении лица, в частности, имеют право на эффективную защиту.

Позитивное обязательство по проведению официального расследования не может в принципе считаться ограниченным случаями жесткого обращения, исходящего от представителей Государства.

3) Позитивное обязательство по борьбе с расизмом, разжиганием розни, дискриминацией, нетерпимостью и восхвалением насилия и терроризма

Европейский Суд рассмотрел ряд дел по этому вопросу, включая, например:

- дело *Джерсилд против Дании [Jersild v. Denmark]*, Постановление от 23 сентября 1994 г., § 30, Серия А, N 298

[Европейский Суд] с особой серьезностью относится к жизненной необходимости борьбы с расовой дискриминацией во всех ее формах и проявлениях.

- Дело *Гюндюз [Gunduz]*, приведено выше, § 40

... уважение равного достоинства всех людей является основой демократического, плюралистического общества. При этом принципиально важной может оказаться необходимость в некоторых демократических странах установления санкций или даже предотвращения любой формы выражения мнения, которая распространяет, поощряет, поддерживает или оправдывает ненависть, основанную на нетерпимости (включая религиозную нетерпимость) при условии, что любые установленные 'формальности', 'условия', 'ограничения' или 'санкции' являются соразмерными преследуемой правомерной цели ...

- Дело *Гюндюз [Gunduz]*, приведено выше, § 41

... не может быть сомнений в том, что конкретное выражение мнения, которое является разжиганием розни, и которое является оскорбительным для конкретных лиц или групп, не защищается статьей 10 Конвенции.

Относительно разжигания розни и восхваления насилия Европейский Суд посчитал в деле *Сюрек [Surek]*, приведенном выше, что штраф, возложенный на заявителя, который занимался пропагандой сепаратизма как владелец журнала, призывая к кровавой мести, может разумно рассматриваться как отвечающий "*настоятельной общественной необходимости*".

Также, осуждение заявителя в уголовном порядке за соучастие в прославлении терроризма после публикации рисунка, касающегося атак 11 сентября 2001 г. было признано соответствующим статье 10 Конвенции (дело *Леруа против Франции [Leroy v. France]*, жалоба N 36109/03, Постановление от 2 октября 2008 г.). Ввиду сложного характера борьбы с терроризмом осуждение преследовало ряд правомерных целей: поддержание общественного порядка, предотвращение беспорядков и преступлений. Произведение не просто критиковало империализм США, а прославляло их уничтожение с помощью насилия. Подпись под карикатурой выражала моральную солидарность с террористами. Восхваление акта насилия, предпринятого против тысяч гражданских лиц оскорбило достоинство жертв.

4) Публикации или замечания, направленные против основополагающих ценностей Конвенции

... как и любое другое замечание, направленное против основополагающих ценностей Конвенции ..., оправдание пронацистской политики не могло пользоваться защитой статьи 10.

[существует] категория ясно установленных исторических фактов – таких как Холокост – чье отрицание или пересмотр будут выведены из-под защиты статьи 10 статьей 17.

Эти заявления Европейского Суда по делу *Леидо и Изорни против Франции* [*Lehideux and Isorni v. France*] (Постановление от 23 сентября 1998 г., §§ 53 и 47, Сборник постановлений и решений 1998-VII) показывают, что действия, несовместимые с демократией и правами человека без сомнения преследуют вид цели, запрещенной статьей 17 Конвенции и таким образом не пользуются защитой статьи 10 (например, преступления против человечности; см. также дело *Гароди против Франции* [*Garaudy v. France*], (Решение), жалоба N 659831/01, ЕСПЧ 2003-IX).

Общие и жесткие нападки на определенную этническую группу несовместимы с ценностями толерантности, социального мира и отсутствия дискриминации, которые лежат в основе Конвенции, и они не пользуются защитой статьи 10 (дело *Павел Иванов против России* [*Pavel Ivanov v. Russia*], жалоба N 35222/04, Решение от 20 февраля 2007 г.). Те же правила применяются к замечаниям, направленным против лежащих в основе Конвенции ценностей: расистские и антисемитские (дело *Гароди* [*Garaudy*], приведено выше) или исламофобские замечания (дело *Норвуд против Соединенного Королевства* [*Norwood v. the United Kingdom*], жалоба N 23131/03, Решение от 15 ноября 2004 г.).

СПИСОК ПОСТАНОВЛЕНИЙ И РЕШЕНИЙ

-А-

- А.Д. против Нидерландов [A.D. v. the Netherlands]*, жалоба N 21962/93, Решение от 11 января 1994 г.
- Эйри против Ирландии [Airey v. Ireland]*, Постановление от 9 октября 1979 г., серия А, N 32
- Акдаш против Турции [Akdaş v. Turkey]*, жалоба N 41056/04, Постановление от 16 февраля 2010 г. (доступно только на французском языке)
- Алексей Овчинников против России [Aleksey Ovchinnikov v. Russia]*, жалоба N 24061/04, Постановление от 16 декабря 2010 г.
- Аманн против Швейцарии [Amann v. Switzerland]*[Большая Палата], жалоба N 27798/95, ЕСПЧ 2000-II
- Анхойзер-Буш Инк. против Португалии [Anheuser-Busch Inc. v. Portugal]* ([Большая Палата] жалоба N 73049/01, Постановление от 11 января 2007 г., ЕСПЧ 2007-I
- Эплби и другие против Соединенного Королевства [Appleby and Others v. the United Kingdom]*, жалоба N 44306/98, ЕСПЧ 2003-VI
- Огаст против Соединенного Королевства [August v. the United Kingdom]*, N 36505/02, Решение от 21 января 2003 г.
- Аутроник АГ против Швейцарии [Autronic AG v. Switzerland]*, Постановление от 22 мая 1990 г., § 47, Серия А, N 178

-В-

- Бен эль Махи против Дании [Ben El Mahi v. Denmark]*, жалоба N 5853/06, ECHR 2006-XV (извлечения)
- Бладет Тромсо и Стенсаас против Норвегии [Bladet Tromso and Stensaas v. Norway]*[Большая Палата], жалоба N 21980/93, ЕСПЧ 1999-III)
- Б.В. против Франции [B.V. v. France]*, жалоба N 5335/06, Постановление от 17 декабря 2009 г. (доступно только на французском языке)

-С-

- Копланд против Соединенного Королевства [Copland v. the United Kingdom]*, жалоба N 62617/00, § 30, ЕСПЧ 2007-IV
- Кокс против Турции [Cox v. Turkey]*, жалоба N 2933/03, § 31, Постановление от 20 мая 2010 г.

-D-

- Далеа против Франции [Dalea v. France]* (Решение) (жалоба N 964/07, Постановление от 2 февраля 2010 г. (доступно только на французском языке)
- Де Хаэс и Гийселс против Бельгии [De Haes and Gijssels v. Belgium]*, Постановление от 24 февраля 1997 г., Сборник постановлений и решений 1997-I

-Е-

- Эдисьон Плон против Франции [Editions Plon v. France]*, жалоба N 58148/00, § 53, ЕСПЧ 2004-IV

Редакция газеты “Правое дело” и Штекель против Украины [*Editorial Board of Pravoye Delo and Shtekel v. Ukraine*], жалоба N 33014/05, Постановление от 5 мая 2011 г.

-F-

Ферет против Бельгии [*Feret v. Belgium*], жалоба N 15615/07, § 80, Постановление от 16 июля 2009 г. (доступно только на французском языке)

Фатуллаев против Азербайджана [*Fatullayev v. Azerbaijan*], жалоба N 40984/07, Постановление от 22 апреля 2010 г.

-G-

Гароди против Франции [*Garaudy v. France*], (Решение), жалоба N 659831/01, ЕСПЧ 2003-IX (извлечения)

Гардел против Франции [*Gardel v. France*], жалоба N 16428/05, Постановление от 17 декабря 2009 г. (доступно только на французском языке)

Гаскин против Соединенного Королевства [*Gaskin v. the United Kingdom*], Постановление от 7 июля 1989 г., серия А, N 160

Герра и другие против Италии [*Guerra and Others v. Italy*], Постановление от 19 февраля 1998 г., Сборник постановлений и решений 1998-I

Гюндюз против Турции [*Gunduz v. Turkey*], жалоба N 35071/97, § 41, ЕСПЧ 2003-XI

-H-

Халфорд против Соединенного Королевства [*Halford v. the United Kingdom*], Постановление от 25 июня 1997 г., § 42, Сборник постановлений и решений, 1997-III

Хэндисайд против Соединенного Королевства [*Handyside v. the United Kingdom*], Постановление от 7 декабря 1976 г., серия А, N 24

-I-

Павел Иванов против России [*Pavel Ivanov v. Russia*], жалоба N 35222/04, Решение от 20 февраля 2007 г.

-J-

Джерсилд против Дании [*Jersild v. Denmark*], Постановление от 23 сентября 1994 г., Серия А, N 298

-K-

К.Х. и другие против Словакии [*K.H. and Others v. Slovakia*], жалоба N 32881/04, Постановление от 28 апреля 2009 г.

К.Ю. против Финляндии [*K.U. v. Finland*], жалоба N 2872/02, Постановление от 2 декабря 2008 г.

Хуриид Мустафа и Тарзибаху против Швеции [*Khurshid Mustafa and Tarzibachi v. Sweden*], жалоба N 23883/06, Постановление от 16 декабря 2008 г.

Кенеди против Венгрии [*Kenedi v. Hungary*], жалоба N 31475/05, Постановление от 26 мая 2009 г.

Киннунен против Финляндии [*Kinnunen v. Finland*], жалоба N 24950/94, Решение Комиссии от 15 мая 1996 г.

Класс и другие против Германии [*Klass and Others v. Germany*], Постановление от 6 сентября 1978 г., серия А, N 28

-L-

Леандер против Швеции [Leander v. Sweden], Постановление от 26 марта 1987 г., серия А, N 116

Леидо и Изорни против Франции [Lehideux and Isorni v. France], Постановление от 23 сентября 1998 г., *Сборник постановлений и решений 1998-VII*

Ленцинг АГ против Соединенного Королевства [Lenzing AG v. the United Kingdom], жалоба N 38817/97, Решение от 9 сентября 1998 г.

Леруа против Франции [Leroу v. France], жалоба N 36109/03, Постановление от 2 октября 2008 г. (*доступно только на французском языке*)

Либерти и другие против Соединенного Королевства [Liberty and Others v. the United Kingdom], жалоба N 58234/00, Постановление от 1 июля 2008 г.

Луазо против Франции [Loiseau v. France] (Решение), жалоба N 46809/99, ЕСПЧ 2003-XII (извлечения) (*доступно только на французском языке*)

-М-

М.С. против Болгарии [M.C. v. Bulgaria], жалоба N 39272/98, ЕСПЧ 2003-XII

М.Г. против Соединенного Королевства [M.G. v. the United Kingdom], жалоба N 39393/98, Постановление от 24 сентября 2002 г.

МакГинли и Иган против Соединенного Королевства [McGinley and Egan v. the United Kingdom], Постановление от 9 июня 1998 г., *Сборник постановлений и решений 1998-III*

МакВей, О'Нейл и Эванс против Соединенного Королевства [McVeigh, O'Neill and Evans v. the United Kingdom], жалобы NN 8022/77, 8025/77 и 8027, отчет Комиссии от 18 марта 1981 г., Решения и отчеты 25

Мегадат.ком СРЛ против Молдовы [Megadat.com SRL v. Moldova], жалоба N 21151/04, Постановление от 8 апреля 2008 г.

Мосли против Соединенного Королевства [Mosley v. the United Kingdom], жалоба N 48009/08, Постановление от 10 мая 2011 г.

Швейцарское движение разлитов против Швейцарии [Mouvement Raelien Suisse v. Switzerland], жалоба N 16354/06, §§ 54-58, Постановление от 13 января 2011 г.

Мушио против Италии [Muscio v. Italy] (жалоба N 31358/03, Решение от 13 ноября 2007 г. (*доступно только на французском языке*))

-N-

Ньюс Ферлагс ГмбХ & Ко.КГ против Австрии [News Verlags GmbH & Co.KG v. Austria], жалоба N 31457/96, ЕСПЧ 2000-I

Нимиц против Германии [Niemietz v. Germany], Постановление от 16 декабря 1992 г., § 29, серия А, N 251-B

Норвуд против Соединенного Королевства [Norwood v. the United Kingdom], жалоба N 23131/03, Решение от 15 ноября 2004 г.

-O-

Обсервер и Гардиан против Соединенного Королевства [Observer and Guardian v. the United Kingdom], Постановление от 26 ноября 1991 г., Серия А, N 216

Озгур Гюндем против Турции [Ozgur Gundem v. Turkey], жалоба N 23144/93, ЕСПЧ 2000-III

-P-

Паеффген Гмбх против Германии [Paeffgen GmbH v. Germany] жалобы NN 25379/04, 21688/05, 21722/05 и 21770/05, Решение от 18 сентября 2007 г.

Пэй против Соединенного Королевства [Pay v. the United Kingdom], жалоба N 32792/05, Решение от 16 ноября 2008 г.

П.Г. и Дж.Х. против Соединенного Королевства [P.G. and J.H. v. the United Kingdom], жалоба N 44787/98, §§ 59-60, ЕСПЧ 2001-IX

Пек против Соединенного Королевства [Peck v. the United Kingdom], жалоба N 44647/98, ЕСПЧ 2003-I

Перрин против Соединенного Королевства [Perrin v. the United Kingdom], жалоба N 5446/03, ЕСПЧ 2005-XI

Пла и Пунсерно против Андорры [Pla and Puncernau v. Andorra], жалоба N 69498/01, ЕСПЧ 2004-VIII

Преминины против России [Premininu v. Russia], жалоба N 44973/04, Постановление от 10 февраля 2011 г.

-Q-

-R-

Ранцев против Кипра и России [Rantsev v. Cyprus and Russia], жалоба N 25965/04, Постановление от 7 января 2010 г.

Рено против Франции [Renaud v. France], жалоба N 13290/07, Постановление от 25 февраля 2010 г. (доступно только на французском языке)

Роше против Соединенного Королевства [Roche v. the United Kingdom] [Большая Палата], жалоба N 32555/96, ЕСПЧ 2005-X

Ротару против Румынии [Rotaru v. Romania][Большая Палата], жалоба N 28341/95, ЕСПЧ 2000-V

-S-

С. и Марпер против Соединенного Королевства [S. and Marper v. the United Kingdom][Большая Палата], жалобы NN 30562/04 и 30566/04, § 41, Постановление от 4 декабря 2008 г.

СК Эдитура Оризонтури СРЛ против Румынии [SC Editura Orizonturi SRL v. Romania], жалоба N 15872/03, Постановление от 13 мая 2008 г. (доступно только на французском языке)

Шачча против Италии [Sciacca v. Italy], жалоба N 50774/99, ЕСПЧ 2005-I

Объединение “Матери Южной Чехии” против Республики Чехия [Sdružení Jihočeske Matky v. the Czech Republic], жалоба N 19101/03, Решение от 10 июля 2001 г. (доступно только на французском языке)

Смит Кляйн и Френч Лабораториз Лтд. против Нидерландов [Smith Kline and French Laboratories Ltd. v. the Netherlands], жалоба N 12633/87, Решение от 4 октября 1990 г.

Штоль против Швейцарии [Stoll v. Switzerland] [Большая Палата], жалоба N 69698/01, ЕСПЧ 2007-XIV

Сюрек против Турции [Surek v. Turkey](N 1)[Большая Палата], жалоба N 26682/95, ЕСПЧ 1999-IV

-T-

Таршашаг а сабадшагьогокерт против Венгрии [Tarsasag a Szabadsagjogokert v. Hungary], жалоба N 37374/05, Постановление от 14 апреля 2009 г.

Тимпул Инфо-Магазин и Ангхел против Молдовы [Timpul Info-Magazin and Anghel v. Moldova], жалоба N 42864/05, Постановление от 27 ноября 2007 г.

Таймс Ньюспейперс Лтд. против Соединенного Королевства [Times Newspapers Ltd. v. the United Kingdom] (NN 1 и 2), жалобы NN 3002/03 и 23676/03, § 27, Постановление от 10 марта 2009 г.

-U-

Узун против Германии [Uzun v. Germany], жалоба N 35623/05, Постановление от 2 сентября 2010 г.

-V-

Ван дер Вельден против Нидерландов [Van der Velden v. the Netherlands] (Решение), жалоба N 29514/05, ЕСПЧ 2006-XV (извлечения)

Vgt Verein gegen Tierfabriken против Швейцарии [Vgt Verein gegen Tierfabriken v. Switzerland], жалоба N 24699/94, ЕСПЧ 2001-VI

-W-

Вебер и Саравия против Германии [Weber and Saravia v. Germany] (Решение), жалоба N 54934/00, ЕСПЧ 2006-XI

Виллем против Франции [Willem v. France], жалоба N 10883/05, Постановление от 16 июля 2009 г. (доступно только на французском языке)

Вуруч против Польши [Wuruch v. Poland], жалоба N 2428/05, Решение от 25 октября 2005 г.

-X-

X и Y против Нидерландов [X and Y v. the Netherlands], Постановление от 26 марта 1985 г., Серия А, N 91